

Помнишь, как шел
ошалелый паяц
Перед шеренгой
на апельплац?
Тум-балалайка,
Шпиль, балалайка,
В газовой камере -
мертвые в пляс.

ТУМ балалайка

антифашистская газета
вольных ежей

август-сентябрь 1997 г.

Все ли о том спето,
Все ли навек с болью,
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою?

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой и зови к бою!
... Пой, труба, не чуди
коленцами,
Пой, труба, чтобы сила
крепла,
И чтоб встали мы, как
в Освенциме,
Взявшись за руки -
среди пепла!

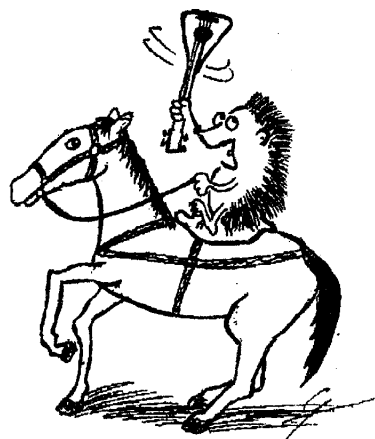
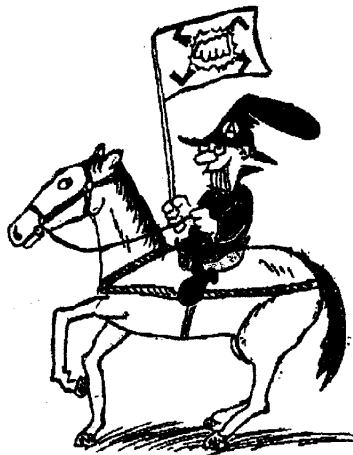
А. Галич

“Вечный бой” - это поиск свободы...

И все также, не проще,
Век наш пробует нас...

А. Галич

Поиск свободы возможен лишь в движении. Борьба с жестокостью, противостояние властям, защита униженных, чувство универсальной ответственности за творящиеся кругом безобразия - все это неотъемлемые черты того, что в одну эпоху называют антифашизмом или сопротивлением, в другую - рыцарским подвигом, а порой - просто голосом гуманизма и совести.

Идеалы свободы и справедливости требуют не только неприятия всевозможных форм подавления, дискриминации, эксплуатации и насилия. Во все времена и во всех странах главным остается вопрос: если не так, то как же? Антирацизм, антисексизм, антидиктатура пролетариата сами по себе отвечают лишь на вопрос “как нельзя”. Это уже много, но недостаточно. Необходимо создать идеал возможного и желанного в противовес существующему и неприемлемому. Вера в мечту, в утопию, в идеал - и есть то единственное, что оставляет надежду и придает смысл борьбе в самой отчаянной ситуации. Могушество одинокого странствующего рыцаря не в его копье, как и сила гнома-антифашиста (см. статью “Путь гномов”) не в кулаке, тем более не в балалайке вольности ежика. Сила и могушество любого из нас - только в вере в возможность лучшего, в реальность альтернативы, будь то мифическое королевство добра и свободы, современная утопическая модель общества без вынужденного труда и взаимной зависимости или старинный и вечный идеал личного поиска свободы.

Вольные ежи - антифашисты: ЭТИКА И ПОЛИТИКА

*Сбейте оковы,
Дайте мне волю,
Я научу вас
Свободу любить!*

(Русская песня)

*Но счастлив тем, что к изголовью
Твоих, о ненависть, могил
Со всепрощающей любовью
Я никогда не подходил.*

Ю. Домбровский

Антифашизм Вольных Ежей возник вместе с газетой "Тум-балалайка", символом которой с самого начала оказался еж-сопротивленец, разбивающий нацистскую свастику довольно необычным в такого рода борьбе оружием - старинным музыкальным инструментом балалайкой. И название газеты, и ежиная символика, и особенно смешные, нарочито нелепые псевдонимы некоторых из наших постоянных авторов не раз вызвали недоумение, иногда яростную злобу, иногда бурный восторг. Очень часто, однако, читатели и наблюдатели проявляли любопытство, интерес, даже заинтригованность неожиданностью этого маскарада.

Принято награждать всех и вся стереотипными, стандартными чертами, несоответствие которым воспринимается как недостаток. Например: девочки должны быть аккуратными, а мальчики - озорными, бабушки должны хорошо готовить, а папы - зарабатывать, политики должны быть решительными и серьезными, а художники - беззаботными и пьющими, рабочие должны быть мрачными и недовольными, а молодые девушки - модными и глупыми. А что, если у кого-то наоборот: папа отлично готовит, зато бабушка исправно зарабатывает на всю семью, мальчик - удивительный аккуратист, а старшая девочка и не модная, и не глупая, недовольными вдруг бы были сами политики, а серьезными - рабочие, ведь бывает же... Такого рода неожиданные вольности внесли бы приятное разнообразие в жизнь всех, обычных и необычных, ведь чем больше необычных, тем приятнее быть хоть бы и самым обыкновенным, даже это уже не навязанный окружающими стандарт, а твой личный выбор. Почему-то именно личный выбор чаще всего вызывает бешеное неодобрение, а иногда и глубоко оскорбляет сторонников стандарта.

Взять, хотя бы, название нашей газеты "Тум-балалайка": сколько упреков пришлось услышать из-за него,

не раз нам даже отказывали в помощи, единственно из-за странного этого названия. А между тем, слово это было выбрано именно как символ антифашистского сопротивления всеми признанным поэтом, стихи которого неизменно входят в оформление заголовка газеты. Чем же плохо? А тем, что так - нельзя. А что можно? Ну, например, "Антифашистский листок" - гениально! - так уже около двадцати изданий называлось на всех языках мира - давайте двадцать первое!

Что стандартно, то и хорошо. Такого же характера и многие другие претензии: слишком странные имена, слишком необычные картинки, возмутительная идея надеть маски ежей по случаю праздничного шествия. Из-

за масок представители местной прессы, рассуждая о недостатках как фашистов, так и антифашистов, обвинили ежей в "убежденной трусости". "Снимите маски, господа!" - призвали нас. А зачем? Можно, конечно, не носить масок, а просто идти, спрятавшись в центре группы демонстрантов, можно писать под псевдонимом, но не Е.Ж., или, того почтнее, Трухти, а скромно - Иван Петров, а можно и под собственной фамилией, да хоть бы и с фотографией.

Вольные ежи носят маски или не носят, пишут под своими именами (тоже, кстати, постоянные наши авторы и участники мероприятий) или под чужими, выступают по телевизору с открытой антифашистской пропагандой или отказываются фотографироваться, в общем, ведут себя, как хотят и как им больше нравится. Нет ни единого стандарта храбрости, ни установленных правил скромности, ни ограничений в творческой деятельности, пусть бы и чуть-чуть

шутливой или эпатажной. Вольность ведь может проявляться не только в решении писать под псевдонимом или под своей родной фамилией, но и в том, какой псевдоним мил сердцу автора, какой символ, какой об-

Почему ежи? Это прекрасный вопрос, каждый ёж ответит на него по-своему. Для кого-то ёж - мирное, но всегда готовое к самозащите животное, для кого-то в основу ежиной идеи лег комикс-анекдот из первого номера "Тум-балалайки", где из всех зверей только ежика отказывается прийти к грозному волку, который хочет съесть ее на завтрак, на что тот произносит лишь: "Так, ежику из списка вычеркиваем", - поучительная история о полезности сопротивления. Имеется и много других причин симпатизировать ежиному облику, но обо всем расскажем, да не все и признаются.

Вольное поведение - это дело этики. Тем самым выражается требование уважения к себе, к своей личности, ко всему тому оригинальному или банальному, что составляет неповторимый образ каждого из нас. Может быть, самым личным и особенным человеческим свойством можно считать чувство юмора, обладающее уникальной способностью объединять людей и в то же время позволяющее каждому в наибольшей степени оставаться самим собой в общении с другими. Вольный смех рождает свободу - лучшее, что люди могут дать друг другу.

Не следует путать вольность с так называемым "беспределом", то есть отсутствием моральных ограничений в ненасытном стремлении максимально использовать окружающих. Выбирающий "беспредел" в качестве модели поведения лишен способности уважать кого бы то ни было, и, в первую очередь, лишен самоуважения, чувства собственного достоинства. Наоборот, любящие вольность дорожат способностью к самовыражению как в себе, так и в других. Таким образом, всякого рода непослушание или даже бунт оказываются не проявлением

нетерпимости к чужому мнению, а частью борьбы с неволей пустых правил и стереотипов, лежащих в основе любого насилия или дискриминации. Дело не в том, чтобы добиться признания своего пути как единственно возможного, а в том, чтобы отстаивать свое право быть другим, защитить разнообразие от разрушительных атак сторонников порядка и стандарта.

И вот тут-то начинается политика. Само по себе вольное поведение еще не является политической позицией, а вот сознательное противопоставление себя его противникам, то есть носителям тоталитарных и агрессивных идеологий, неизбежно приобретает характер политической борьбы. Антифашизм вольных ежей и есть эта борьба. Антифашизм, конечно, не сводится к борьбе "за вольность", однако потребность в воле - важный элемент антифашистского политического выбора. Поэтому в антифашизме вольных ежей так часто сочетаются жесткое неприятие всевозможных дискриминационных и оскорбительных для чьего-либо достоинства идей с шутилой игрой в ежиков-хулиганов, трагическое восприятие последствий фашистских режимов с веселым, праздничным отношением к каждой победе Сопротивления. Эмоциональной основой нашей антифашистской идеи всегда остается память о жертвах фашизма, боль потерь, гордость за тех, кто не дал себя ни обмануть, ни запутать.

Надо верить в возможность и необходимость свободы. В прошлом, настоящем и будущем.

Arst*

С.СВЯТОМИКОЛОВ

Путь гномов...

С 1945 года в борьбе против тоталитарных фашистских режимов были достигнуты большие успехи. К сожалению, человечество, похоже, не очень-то учится на собственных ошибках, и угроза возвращения фашизма по-прежнему существует. В то время как все больше и больше поколений антифашистов постепенно умирает, и память о прошлом стирается, все более серьезные задачи встают перед остающимися. Иной раз кажется, что история превращает антифашизм просто в мертвый памятник. Способность антифашизма выжить в постоянно меняющемся мире зависит от его умения найти позицию, сформулировать принципы, а также от соответствия антифашистского сопротивления общественной ситуации.

ПОЗИЦИЯ

В общем развале всего того, что оказалось несовместимым с современной ситуацией, процветает множество злых чувств и мыслей. Растущая неуверенность в сочетании со слабостью создали страх. Страх в сочетании с одиночеством создал ненависть. Ненависть в сочетании с порочностью создала жестокость. Жестокость в сочетании с возможностями человеческого мозга создает разрушительные идеи и эмоции.

Когда подобные идеи и эмоции оформляются в виде политического явления, мы можем говорить о фашизме. Фашизм - это политика насаждения жестокости. Ис-

требление, война, погромы - все это примеры фашизма, как и политически запланированное убийство. В силу возрастающих технологических возможностей, в наш век это приняло критический характер. Под завесой прогресса фашисты создали общество, предназначенное для уничтожения всех исключений, не укладывавшихся в их идеологию.

Краеугольный камень фашизма - тотальное подавление личности путем введения свирепо навязываемых догматических правил. При этом используются различные доводы и методы, результатом которых всегда становится разрушение самой жизни до тех пор, пока она не превратится в монотонное и анонимное существование. Люди становятся всего лишь частичками большой машины, которая определяет и диктует их потребности. В конечном счете такой образ жизни даже может начать нравиться в силу своей простоты.

Антифашизм - это сопротивление фашизму и фашистским тенденциям, борьба за сознательность и против бессознательного. Этим объединяются люди разного происхождения, разного возраста и разных идей и представлений на базе общего понимания важности человеческих ценностей. В этом смысле это больше, чем просто реакция, и может считаться источником общественного, политического и культурного развития. Антифашизм не должен быть монополией тех, кто изображает его как идеологическую войну "нас" против "них".

Антифашизм в гораздо большей мере дело нашего собственного отношения, сила личного выбора каждого.

ОПЫТ

В этой статье я хочу изложить некоторые идеи, которые я почерпнул из собственного опыта участия в антифашистском сопротивлении - движении автономов в Западной Европе. Это движение развилось из размытых политических структур, в которых бывшие коммунисты, свободные от догм, и анархисты соединили свои силы. Главная цель движения - добиться немедленных изменений. Главный метод движения - прямой и прагматичный активизм.

Автономам не нужны ни лидеры, ни политические программы. Все создаваемые ими структуры начинаются с отдельных личностей и маленьких групп друзей. Быть активистом - значит действовать. В силу этого возникает достаточное пространство для проявления личной инициативы. Решения принимаются отдельными людьми, и поэтому ответственность ложится на каждого. В результате политические вопросы, такие как антифашизм, становятся личным делом.

Для автономов антифашизм значит противостояние фашизму во всех его формах и проявлениях. Таким образом, конфронтация неизбежна, так что принятие на себя риска и несение ответственности становятся двумя сторонами одной медали. Серьезное и ответственное отношение к делу становится одновременно и условием, и результатом такого подхода.

Существуют автономны, которые верят в прямое действие. Для них антифашизм - это попытка отбить у агрессивных неонацистов улицы городов. Другие автономны, которые верят в прямую помощь, открывают свои дома и сердца нелегальным беженцам. Некоторые автономны посвящают жизнь работе по поддержке тех, кто страдает от фашизма и тоталитарного давления в дальних странах. Еще больше автономов совмещают эти и другие аспекты, и политический выбор становится неотъемлемой частью их личной жизни.

Автономы-антифашисты фокусируют свою антифашистскую борьбу отчасти на критике буржуазного общества, на тех его чертах, которые по-прежнему напоминают исторический фашизм, а также предлагают антирасизм и антисексизм в качестве лекарства, могущего излечить общество от болезни фашизма. В этой области были достигнуты большие успехи, когда многие группы из различных слоев общества начали действовать в поддержку этих идей.

Несмотря на то, что во многих случаях коммунистические организации разных типов (сталинисты, троцкисты, маоисты) действовали в том же направлении, автономны старались держаться подальше от какого бы то ни было альянса с коммунистами и всегда критиковали догматичный и пропагандистский подход последних. Коммунисты, со своей стороны, регулярно пытались сорвать акции автономов.

В последнее десятилетие для автономов наступило время перемен. Попытки бросить вызов власти государства и буржуазного капитализма потерпели поражение в тех случаях, когда структуры автономизма оказались слишком ограниченными. Западное общество узурпировало многие идеи и имидж политического авангарда с целью создания модной одежды и хеппингов. В силу этого многие возможности для противостояния буржуаз-

ной ментальности были потеряны.

Тем временем неонаци решили использовать автономские модели для преобразования своего собственного движения. Нацизм внезапно был представлен как образ жизни, причем такой, который сам стал атакой на антифашистский консенсус современного буржуазного общества. Активисты неонацизма явились в новом облике, включавшем собственную музыку, собственную моду и собственные центры. Они развернули хорошо подготовленные кампании с целью возрождения фашистских настроений.

Большинство активистов-автономов ответили на этот поворот событий разрывом с антагонистической и изолированной позицией и начали работать в очень практическом, профессиональном ключе - в общественных негосударственных организациях.

Лишь в отдельных случаях автономистское движение оказалось в силах сохранить себя и развить свои идеи и методы. Маленькие группы высокопринципиальных людей с большой точностью осуществляют хорошо скоординированные акции. В области антифашизма имеют место прямые действия, и большинство из них оказывают разрушительный эффект на фашистские структуры.

Автономы - в первую очередь профессиональные активисты. Им не важно, что представляет из себя непрофессиональный антифашист. Однако это не значит, что то, что они делают, не имеет смысла. Автономистская практика основана на определенном отношении, мужественном подходе к жизни, который могут разделить с ними все антифашисты.

ИДЕИ

Так как насчет тебя и меня? Мы кажемся маленькими гномами в сравнении с жестокими великанами, которым мы пытаемся противопоставить себя. Все же, столь многие важные вещи мы можем сделать - почему бы не попытаться? Битвы, которых мы не дадим, мы проиграем в любом случае.

Прежде всего надо понять, что происходит, и определить, что нам следует делать. Антифашисты должны смотреть на вещи критически, это также относится к ним самим и их поступкам. Наша борьба должна быть в высшей мере реалистичной и точной. Гораздо больше смысла в том, чтобы сражаться с диктатурой на наших улицах, рабочих местах и порой даже в наших собственных домах, чем в том, чтобы вновь и вновь агитировать против преступлений Фиделя Кастро, находясь среди людей, которые и так согласны с этим, но не могут ничего поделать.

Действия против фашизма требуют сознательного подхода. Необходимы веские причины. Как можем мы защищать какие-то идеи, если мы не вполне их разделяем? Дискуссии и обсуждения важных и серьезных дел не могут состоять из сплетен или бессмысленных игр в дебаты. Если нас - антифашистов - не уважают и не принимают всерьез, единственное, что остается - это полный отказ от взаимодействия и бойкот.

Антифашизм - это не просто выбор против, но также и выбор за то, что необходимо спасти. То, против чего направлена атака фашистов, мы должны уметь защитить в нас самих. Если они фальсифицируют историю и жгут книги, мы должны постараться запомнить как можно больше и рассказать то, что мы знаем и что мы видели. В то же время важно не утратить любовь к жизни, нахо-

дьясь в постоянной конфронтации с жестокостью. Антифашисты должны уметь нести ответственность за последствия своих действий. Каждый человек может совершать ошибки, антифашисты не являются исключением. Если мы сами осознаем это и думаем об этом и обсуждаем с другими, мы можем избежать неприятностей и найти оптимальный способ действий, несмотря на наши собственные недостатки. Не следует обращать внимание на тех, кто только наблюдает и пытается поймать нас на ошибках, их ожидания не должны определять наше поведение. Очень важно, чтобы каждый мог занять собственную позицию в любой момент и сохранить независимость от общего мнения или цели. Наши действия будут более эффективны, если люди будут сами определять свои взгляды и сумеют критиковать других исходя из своего личного мнения. Если каждый думает и действует прежде всего за самого себя, а затем сотрудничает с другими, фашизм не пройдет.

Еще так много надо сказать, написать и сделать. Давайте обсуждать и действовать, дело антифашизма будет продолжаться.

Гномик Автономик

Антифашистское движение в Германии (Больше чем “против фашистов”...)

С 1945 г. в Германии неизменно существовали антифашистские группы и организации, которые боролись против сохранившихся фашистских структур и вновь возникшего неонафашизма. С конца 80-х, на которые приходится начало наблюдающегося в последние годы в Германии бума неонафашистских структур, сложилось широкое независимое антифашистское движение. Сегодня оно ведет работу в архивах, газетах, молодежных и других группах.

Деятельность антифашистских групп в основном складывается из трех составляющих: общественная работа, создание собственных организаций и акции. Работа по этим направлениям ведется одновременно и согласованно. Общественная работа подразумевает поиск и предание гласности информации с тем, чтобы привлечь внимание к проблеме и оказывать общественное давление на государство. Поскольку на этом пути не всегда удается добиться успеха, антифашисты сами проявляют активность и устраивают акции: “демо” (демонстрации), пикетирование мест встреч фашистов и т.д., но также конкретное противостояние фашистам в каком-либо округе или земле. Цель таких мероприятий - лишить фашистов ощущения безопасности и предупредить их террор против иностранцев, сексуальных меньшинств, бездомных, неформалов и т.п.

Организационная работа ведется в газетах, архивах и группах, - к примеру, в провинции, где фашисты сильны и где нет антифашистской работы, - а также по созданию пространства, где антифашистские идеи и культура могут открыто развиваться, как, например, клубы и

кафе. Такая деятельность особенно важна в бывшей ГДР. Там во многих землях после объединения Германии сложились мощные фашистские структуры, которые терроризируют инакомыслящих и нередко провоцируют конфликты среди молодежи. Чтобы создать здесь центры антифашистского сопротивления, требуются не только антифашистские идеи и места, где антифашисты могли бы собираться, необходимо предложить нечто большее: серьезную культурно-просветительскую работу, концерты и другие мероприятия.

Антифашистское движение - это не только идея борьбы с фашистами, противостояния их угрозам. Следует развивать общие идеи мирного сосуществования и человеческого достоинства и уже сегодня внедрять их в жизнь. К этому же относится и необходимость развития индивидуальной культуры и социальной ниши, в которой можно жить по собственному усмотрению. К примеру, в Германии борются с расизмом, но нельзя не заметить, что сильный расизм исходит от государства, с которым также стоит бороться. Кроме того, антифашизм борется и с другими нарушениями прав человека: с милитаризмом, полицейским террором и т.п.

Антифашизм - это идея, которой люди в Германии следуют, главным образом, потому, что они видят, что фашисты представляют опасность для них самих и для многих других людей. Антифашизм объединяет людей для борьбы за свои права.

Томас

Объединенная Европа: интеграция вместо солидарности

Посвящается сорокалетию Римских договоров

“Европа объединяется, а мы...” - этой фразой, преисполненной горького негодования на власти и на самих себя, у нас принято было выражать свое огорчение по поводу распада СССР в девяносто втором - девяносто третьем годах, когда Европейское сообщество как раз с помпой завершало программу создания единого рынка. При этом как бы само собой разумеется, что интеграция - вещь однозначно позитивная, в то время как разделение одного государства на несколько рисовалось как политическое и экономическое бедствие. С этой “истиной” было все труднее спорить по мере того, как новые “независимые” национальные верхушки с небывалым энтузиазмом обрубили все новые и новые работающие связи между республиками, возводя стены между друзьями, коллегами и родственниками и опутывая их колючей проволокой. Дезинтеграция была доведена до абсурда, и растущая популярность “интеграционистских” идей была естественной реакцией публики.

К сожалению, ревностные объединители и в Европе, и в России, как правило, забывают о том, что интеграция сама по себе не может быть целью в политике. Международное сотрудничество - это лишь средство решения определенных политических задач, которые ставят перед собой власти в странах-участницах. Поэтому всегда нужно задавать вопрос: о какого рода интеграции идет речь, к каким переменам в обществе она приведет? Правда ли, что сотрудничество облагодетельствует всех, и если нет, то кто выиграет, а кто проиграет?

Ориентация на интеграцию как самоцель на практике ведет, например, к поддержке Москвой тоталитарного режима Лукашенко. Строительство союза с белорусским государством в его нынешнем виде - это игра с огнем, которая может очень плохо кончиться для России. Пример “младшего брата” может оказаться заразительным для московских правителей, и завтра людей начнут избивать на улицах Москвы и Питера, как сегодня в Минске. Экономические последствия такого “братства” с фашиствующим режимом также могут пагубно сказаться на судьбе российской политической системы: ведь каждый рубль, истраченный на поддержку диктатора, ловко извлечен властями из карманов пенсионеров, учителей и врачей, которые и без того готовы к бунту. Я уж не говорю о том, что мне, например, обидно отдавать деньги, уплаченные мною в виде налогов, на строительство образцово-показательных свиноферм, в то время как мои белорусские друзья едва сводят концы с концами на фоне общего развала экономики страны.

В Западной Европе все идет тоже далеко не так гладко, как любят показывать наши улыбчивые телевизионные комментаторы, специализирующиеся на производстве развлекательно-информационной жвачки. Первоначальная цель Европейского экономического сообщества вовсе не состояла в том, чтобы дать простым людям возможность жить в единой большой Европе без границ, дружить и ходить друг к другу в гости. Да, отцы-основатели Сообщества были озабочены тем, чтобы не допус-

тить новой войны в Европе, но основным средством на пути к миру они считали объединение национальных экономик в одну большую систему, все части которой были бы неразрывно связаны между собой. Не случайно первый камень в фундамент общеевропейского дома был заложен в 1951 году с созданием Европейского объединения угля и стали: считалось, что нужно “подружить” между собой угольных и стальных магнатов, сделать ключевые на тот момент отрасли французской и германской экономик взаимозависимыми, чтобы погасить, наконец, многолетнюю вражду из-за ресурсов. Римские договоры 1957 г., сорокалетие которых отмечалось нынешней весной, создавали Европейское экономическое сообщество, которое только десятилетия спустя превратилось в Союз.

Лишь в восьмидесятые годы, когда строительство единого рынка вступило в завершающую фазу, и европейские правительства и руководство Сообщества в Брюсселе столкнулись с растущим недоверием избирателей, родилась на свет Божий идея “социальной Европы”, где простые граждане получили бы те же права, которые давно уже завоевал для себя крупный капитал. В то время как предприятия все более свободно перемещались внутри европейского континента и за его пределами, принося и унося с собой рабочие места и таким образом диктуя правительствам основные направления их экономической политики (правительства, недостаточно “дружественно” настроенные к предпринимателям, рисковали столкнуться с фактом бегства капитала из страны и ростом безработицы), работники тех же самых предприятий вынуждены были считаться с многочисленными бюрократическими, культурными и языковыми проблемами, если они хотели переехать в другую страну ЕС. Кроме того, они были в значительной мере лишены политического влияния, поскольку национальные методы управления экономикой работали все хуже, государство все более явно начинало приспосабливаться к рынку вместо того, чтобы регулировать его.

Однако широко разрекламированный проект “социальной Европы” не привел к радикальным изменениям, - по крайней мере, до сегодняшнего дня. Понятие европейского гражданства, вписанное в Маастрихтский договор 1992 г., так и осталось на бумаге. Директивы ЕС по социальным вопросам касаются второстепенных проблем и с успехом саботируются государствами-участниками, когда дело доходит до их воплощения. С другой стороны, в Европе строится Экономический и валютный союз (ЭВС), наиболее ярким проявлением которого станет единая валюта - евро (ее планируется ввести в обращение в 1999-2002 гг.). Условия членства в ЭВС требуют, чтобы правительство добилося низкого уровня инфляции в стране, сократило государственный долг и дефицит бюджета и обеспечило стабильный курс национальной валюты по отношению к деньгам других европейских стран. По большому счету, желание вступить в ЭВС вынуждает правительства проводить политику “фи-

нансовой стабилизации" наподобие той, что мы имеем в России, со столь же плачевными результатами. Конечно, зарплата государственным служащим там выплачивается вовремя, но экономия бюджетных денег принимает другие формы, тоже нам хорошо знакомые. Приватизация, урезание социальных пособий, сокращение государственного аппарата, повышение налогов - вот основные методы такой политики. Ее результат - в первую очередь рост безработицы: чем выше налоги, тем меньше работников может нанять каждый бизнесмен, а многие крупные предприятия и вовсе бегут из страны туда, где налоги ниже и рабочая сила дешевле. Другой, столь же "заманчивой" сценарий - попытаться удержать предпринимателей в стране, и для этого оставить налоги на прежнем уровне или даже снизить, а сэкономить на социальных выплатах наиболее нуждающимся слоям населения, на государственном медицинском страховании, пособиях или займах студентам и т. п. Это, конечно же, ведет к тому, что бедные становятся еще беднее, растет социальное расслоение и общественное недовольство. В своих крайних формах такая политика может привести к ситуации наподобие американской, когда уровень безработицы снижается, но массы людей не могут сколько-нибудь пристойно существовать, даже имея работу, и это толкает их на преступление или на бунт.

Те, кто ненавидит фашизм во всех его проявлениях - от бытового расизма до нацистских маршей, - должны отдавать себе отчет, что такая экономическая политика создает благоприятную почву для роста политического влияния экстремистов и расистов. Очень удобно объяснять рост безработицы тем, что "чужие" (африканцы, турки, беженцы из Боснии) отнимают работу у "истинных" французов, немцев или шведов. Очень выгодно приводить статистические данные, свидетельствующие, что уровни преступности среди иммигрантов, как правило, выше, чем среди коренного населения, забывая при этом упомянуть, что речь идет о людях, находящихся в самом низу социальной лестницы, лишенных если не средств к существованию, то образования, перспектив, элементарного сочувствия со стороны окружающих. Очень заманчиво попытаться направить недовольство рабочих, принимающее все более явные и угрожающие формы, против безгласных и беззащитных, часто даже не имеющих гражданства людей.

В каком-то смысле в успехах правых экстремистов Ле Пена во Франции и Хайдера в Австрии виновата европейская интеграция. Еще более очевидна связь между планами создания валютного союза и резким поправлением правительственного курса в целом ряде стран. Вместо того, чтобы выделять бюджетные средства на помощь иммигрантам, на создание новых рабочих мест, правящие круги идут на ужесточение миграционного законодательства, как во Франции при прежнем правительстве Жюппе, или, как в Германии, прибегают к насильственной депортации боснийских мусульман на территории, подвергнувшиеся этническим чисткам. Ради того, чтобы создать более комфортные условия для ведения бизнеса в Европе, людей хотят отправить "на родину", где их дома давно заняты враждебно настроенными "земляками", от которых несколько лет назад пришлось

спасаться бегством. Даже в Швеции, известной своим гостеприимством в отношении вынужденных переселенцев, наметился поворот к более закрытому обществу. Одна из двух крупнейших партий - консерваторы во главе с Карлом Бильдтом, сегодня находящиеся в оппозиции, - предлагает пересмотреть положения шведского законодательства о статусе беженцев с тем, чтобы сократить приток в страну "чужаков".

И все же, автору статьи не хотелось бы примыкать к числу яростных противников объединенной Европы, которых немало среди антифашистов. Уж очень заманчива сама идея Европы без границ, открытой остальному миру и протягивающей руку помощи всем, кто в том нуждается, независимо от цвета кожи и гражданства, Европы, готовой поделиться своим благосостоянием с людьми на других континентах. Для того, чтобы эта мечта стала реальностью, нужно не отрицание, а критика. Мы должны сознавать сами и объяснять другим, что огромный потенциал, кроющийся в международном сотрудничестве, может и должен использоваться на благо всего человечества, а не отдельных расовых, национальных или экономических групп. То, что невозможно сегодня в одной стране, можно сделать сообща, - например, разработать и претворить в жизнь общеевропейскую программу по созданию новых рабочих мест, предотвращению экологической деградации, насилия и дискриминации. В политике все взаимосвязано, и лишь четко понимая, чего хотим, мы сможем повлиять на развитие ситуации у себя дома и в других странах.

Один из ревностных жрецов идеи Экономического и валютного союза, французский премьер Ален Жюппе, уже расстался со своим постом после провала на выборах (его особенно ненавидели за попытки сэкономить на финансировании социального страхования, чтобы подогнать бюджет под заложенные в Маастрихтском договоре критерии). Сокрушительное поражение потерпели британские консерваторы, которые, хотя и отвергали идею участия в ЭВС, также были убежденными противниками сотрудничества в сфере социальной политики. Закачалось кресло даже под могущественным германским канцлером Гельмутом Коелем. На смену консерваторам приходят деятели социал-демократического толка, с гораздо большей симпатией относящиеся к антифашизму, больше внимания уделяющие нуждам простых людей. Возможно, воплощение европейского проекта примет теперь несколько иные формы. Многие здесь зависит и от антифашистского движения в Западной Европе, и в России.

В кармане моего пиджака лежит значок с изображением флага Европейского союза, доставшийся мне на каком-то официальном мероприятии. Я едва ли надену его в ближайшие годы - слишком много у меня возражений против объединенной Европы в ее нынешней форме. Но все же хочется надеяться, что когда-нибудь синий флаг с двенадцатью золотыми звездами станет символом всего того, что мне дорого в европейской идее, символом сотрудничества без границ, свободы, равенства и солидарности с окружающими нас людьми.

В.М.

Мы против!!!

Взгляд на ту же проблему с Запада

Как гражданин Европейского союза, я с большим интересом отношусь к проблемам, которым посвящена предыдущая статья. Я полностью согласен с высказанной в ней критикой. Однако, я удивлен выводом автора о позитивности в целом процесса европейской интеграции. Многие люди в Европейском союзе думают точно так же, и можно сказать, что эту точку зрения также отстаивает значительная часть зеленых в Западной Европе. Часто можно услышать от сторонников объединения и то, что даже Маастрихтский договор 1992 года, несмотря на его очевидные недостатки, сыграл определенную положительную роль.

Но я по-прежнему изумлен этим парадоксом. Коротко говоря, средства не имеют значения, если цель хороша. Это может завести нас очень далеко...

Позвольте мне небольшую провокацию: Наполеон и Гитлер также хотели добиться объединения Европы. Конечно же, средства были ужасны, но, в конце концов, цель - та же самая. Может быть, потом можно было бы изменить все к лучшему, позднее...

В этом "позднее" и заключена суть. Конечно, я не стану сравнивать планы Гитлера с маастрихтским проектом. Но можем ли мы быть уверены, что мы будем контролировать объединенную Европу "после"? Кто может уже сегодня сказать, кроме одних только банков, некоторых крупных воротил и некоторых министров: "Я держу под контролем развитие событий"?

Я не стану возвращаться к экономической и социальной критике. Я хочу остаться в рамках политических и, более того, философских размышлений. Этот процесс начинался без демократии, продолжается без демократии, и нет никаких оснований предполагать, что что-то изменится в будущем. Все так называемые "демократические" штучки вроде референдумов, проводимых во многих странах, выборов в Европейский парламент, расширения полномочий регионов - все это просто ерунда!

Возьмем, к примеру, референдум в Дании по поводу присоединения к Маастрихтскому договору. На первом референдуме победили противники Маастрихта. И что же, на этом все и кончилось? Вот еще! После этого была организована гигантская кампания, чтобы объяснить датчанам, что они на самом деле просто не поняли, как прекрасен новый договор, что они голосовали неправильно, что они просто немножко глуповаты. И вот был организован новый референдум, на котором сторонники договора победили с очень небольшим перевесом. Чтобы дополнить историю, сообщим, что во время беспорядков в Копенгагене сразу после референдума, организованных теми, кто не хотел, чтобы с ними обращались, как с идиотами, полиция впервые применила оружие. Четыре человека были серьезно ранены. Эти события показали, как политики могут действовать, если они играют всерьез. Уточним, что демонстранты сами были убежденными интернационалистами, но они имели свое мнение об интернационализме.

Теперь давайте посмотрим, как работает Союз: так называемый парламент, уполномоченный давать советы, но не имеющий совершенно никакой власти что-либо решать; Европейский совет - лицемерное политическое

шоу; европейские законы, которые, по идее, должны быть сильнее национальных, но которые не исполняются ни в одной стране, особенно если они связаны с правами человека; будущее регионов решается в Брюсселе без всякого уважения к местному населению и культуре (в результате чего в Бретани, на западе Франции, произошли самые серьезные за последнее время бунты рыбаков, которым суждено потерять работу при этих новых порядках); финансовая политика, определяемая центральными банками, а не государством, которое их даже уже не контролирует. Если даже не государство, то кто же?...

Уже сегодня, с "глобализацией" экономики на всемирном уровне, мы видим, что правительства превратились в своего рода огромные министерства внутренних дел для своих стран. Власть раздроблена, и остается все меньше и меньше возможностей ее контролировать. Кто может контролировать центральные банки? Кто может контролировать Международный валютный фонд и Всемирный банк? Кто может контролировать крупные капиталистические тресты, определяющие всемирную экономическую политику? Даже правительство США является лишь инструментом в их руках...

Впрочем, что касается полицейской роли наших правительств, здесь нет никаких проблем: им принадлежит вся власть, но население никак не может ее контролировать. Все договоры в Триви, Шенгене и Дублине являются секретными, и мы видим только результаты: крепость Европа, закрытая по отношению к другим странам, особенно к бедным. Товары и деньги обладают большей свободой передвижения, чем человеческие существа, и после репрессий в отношении "нелегальных" иммигрантов, мы теперь наблюдаем процесс "делегализации" законных мигрантов посредством новых репрессивных законов. Даже внутри Европейского союза так называемая свобода передвижения имеет свои пределы. Если, например, французский парень захочет жениться в Германии на русской девушке, законно там проживающей, больше всего проблем будет не у нее... Знаете ли вы, как называется такая политика? Апартеид...

Бюрократическими или, конкретнее, репрессивными методами все было подчинено контролю, в особенности иностранцы, но на деле - бедняки вообще. У маршала Мобуту, бывшего заирского диктатора, никогда бы не было проблем.

Поначалу идея европейского союза, предложенная Шуманом и Моне в пятидесятые годы, была доброй и щедрой: никогда больше не допустить войны в Европе, мир между европейскими народами. И вот результат: война в Северной Ирландии продолжается, разворачиваются серьезные конфликты между фламандцами и валлонами в Бельгии, между так называемой "Паданией" (севером) и югом Италии, между Грецией и Турцией... Вне Европейского союза, но тоже в Европе, разгорелась кровавая югославская война - каковы ее моральные уроки? Вся Европа и пальцем не пошевелила, чтобы ее остановить, за исключением групп активистов-правозащитников и пацифистов, не пользовавшихся поддержкой своих правительств. Более того, некоторые страны, такие

как Германия или Франция, поддерживали различные националистические группировки в соответствии со своими геополитическими и экономическими интересами. Парадоксы единой Европы... Наверное, многие соглашались, что дипломатические меры ЕС против войны в Чечне были явно недостаточны. В коридорах европейской политики вы слышали только: "Попробуйте закончить ее, быстрее"...

Реформирование армий в странах Европейского союза также преследует свои цели, и не только сокращение бюджета. Смысл его - не в подготовке европейской армии, оно проводится также для внутренних целей, чтобы подготовиться к всплеску социального протеста внутри Европы. Во Франции, которая всегда служила примером в этом деле, мы уже видели вооруженные армейские патрули в аэропортах, на железнодорожных станциях, в метро... Эти патрули предназначены для борьбы с терроризмом, но наиболее очевидным результатом является систематический контроль за бедняками, молодежью и мигрантами. А население все больше и больше привыкает к этому, и это - серьезная угроза для нашей свободы.

Для некоторых лидеров все великие проекты требуют политической цели: всегда прежде всего "определить врага". Раньше таким врагом для Европы был СССР и, шире, международный коммунизм. Сегодня это ислам, и, если присмотреться, беднейшие страны, отнюдь не всегда страны Юга. Мало-помалу некоторые политики начинают говорить об опасности, которую в дальнейшем будет представлять сильная Россия...

Уже сегодня ни в одной стране народ не может вмешиваться в решение оборонных вопросов - они составляют исключительную прерогативу правительства. Теперь, с той европейской оборонительной системой внутри НАТО, к которой Франция недавно присоединилась, демократический надзор за оборонной политикой все более затрудняется. Уточним: внутренняя безопасность каждой страны является целью НАТО, как показали все недавние крупные комплексные армейские учения. Попробуйте угадать, кто будет их врагом в не столь отдаленном будущем: иммигранты, беженцы, безработные, бездомные, все они, и еще больше? Браво, вы угадали!

Странники Европейского союза в его нынешнем виде говорят, что противники такой политики - это всего лишь устремленные в прошлое националисты. Действительно, значительная часть активистов, выступающих

против Маастрихтского договора, придерживаются подобных взглядов. И они добиваются с этим неплохих результатов на выборах. Но, как бы то ни было, есть и другие люди, мыслящие по-европейски, которые считают, что нельзя согласиться с такими способами строительства Европы. Что невозможно будет потом перестроить ее на более демократических основаниях, и что нынешняя политика понемногу дрейфует в направлении, скажем так, мягкой тоталитарной системы. Не вдруг, как в октябре 1917 г. в России или в 1933 г. в Германии, но мелкими шажками - по одному закону, по одному декрету, по одному секретному приложению к одному специальному договору...

Принять это, не замечая всех названных тенденций, означает на деле согласиться с последствиями, потому что обратной дороги не будет. Как европейские демократы, мы должны отвергнуть крепость Европу целиком и частями, потому что все ее мелкие детали связаны между собой. Мы должны присоединиться к сопротивлению крепости Европе, которая строит новый железный занавес против бедных. Мы должны присоединиться к сопротивлению расизму и чрезвычайнице, которые призваны укрепить эту крепость. Мы должны присоединиться к сопротивлению тому экономическому и политическому порядку, который определяет эту политику.

Но это также означает, что мы должны знать, какими средствами будем оказывать сопротивление - путем европейской солидарности в борьбе с последствиями маастрихтской политики. Европейской солидарности за права всех мигрантов и беженцев, за свободу передвижения для всех. Кроме того, необходима также солидарность между Востоком и Западом, Севером и Югом, потому что каждое правительство бедной страны ответственно за свой народ. Правительства развитых стран Севера также несут ответственность за свою политику в других частях света (Франция за свою политику в Африке, Германия - в Восточной Европе...). Мы должны добиваться солидарности между народами, если необходимо - против политики наших правителей. Мы должны построить Европу граждан.

Pierre Hérison
REFLEX/ NO PASARAN
FRANCE

Гостеприимство в Голландии: свидетельство о депортациях

Миграции подвержены все возрасты. Однако перемещению мигрантов все больше и больше препятствует политика многих национальных государств. Множество людей пытается убежать от войн и бедности. Большинство из них остаются в окрестностях своих родных стран, в Азии и Африке, но некоторые пытаются достичь богатых стран Запада. Некоторые палестинцы, русские, африканцы ищут убежища в Западной Европе (в част-

ности, в Европейском союзе: Дания, Великобритания, Швеция, Финляндия, Ирландия, Испания, Франция, Бельгия, Италия, Греция, Люксембург, Австрия, Германия, Нидерланды, Португалия). Западная Европа опасается наплыва беженцев, не желая разделить с ними свое богатство. Вот почему ее границы закрыты. Люди из бедных стран никому не нужны здесь. Только те, кто могут помочь богатым странам стать еще богаче, с

легкостью получают визу и вид на жительство, для всех остальных это очень трудно. В случае если они могут доказать, что нуждаются в убежище (из-за возможного преследования, войн и т.д.), им в принципе должны позволить остаться в безопасной стране, но на практике это оказывается очень трудным делом. С того самого момента, когда люди обращаются с просьбой об убежище, европейские страны делают все возможное для того, чтобы не признать их прав. Вся система структурирована таким образом, чтобы вынудить людей покинуть Европейское сообщество. Беженцев не слушают, им не верят, часто им не предоставляется нормальное медицинское обслуживание, их заставляют годами ждать, не давая никаких гарантий на будущее. Это касается всей процедуры получения политического убежища. Чтобы сделать ситуацию и вовсе невыносимой, для беженцев строятся специальные тюрьмы и центры депортации, где невинных иностранцев держат месяцами. Голландское правительство пытается разными репрессивными мерами вынудить людей вернуться обратно; когда этого оказывается недостаточно, беженцев посылают в депортационные центры.

Эта статья о депортационном центре в Нидерландах, о его структуре и целях. Это специальный центр, созданный для беженцев, чье дело уже закрыто и чьи просьбы об убежище были отклонены. Когда человек обращается за убежищем в Нидерландах, начинается особая процедура, которая может занять несколько лет. В то же время беженцы обречены ждать в специальных лагерях "для ищущих убежища". Беженцы, ожидающие конца этой процедуры, не имеют права жить в обычных домах, работать и т. д. Многих из них ожидает отрицательное решение, что значит - они будут вынуждены немедленно покинуть Нидерланды, даже если люди прожили здесь три года, свободно говорят на языке, нашли работу, дети ходят в голландскую школу...

Для некоторых беженцев возвращение в их родную страну оказывается совершенно невозможным, потому что у них нет документов, из соображений ли личной безопасности, или просто потому, что уже нет больше страны, в которую они могли бы вернуться. Эти беженцы остаются в Нидерландах, их нельзя депортировать, но формально у них нет права быть там. Голландское правительство желает, чтобы эти люди покинули страну, и для этого был создан специальный центр. Единственная цель этого центра - выкинуть беженцев из Нидерландов. Весь центр ориентирован на то, чтобы вынудить беженцев покинуть страну по собственной воле, потому что часто люди уже не в силах более выдерживать психологическое давление. Для голландского правительства важно сохранить видимость добровольности во избежание неприятностей с прессой.

Добровольность, однако, не более чем претензия: беженцы не располагают информацией о характере центра. Беженцев вынуждают сотрудничать; если они отказываются подчиниться системе, их вышвыривают на улицы и обрекают на нелегальность. Давление может стать совершенно невыносимым из-за постоянных запугиваний, чувства неуверенности в будущем, плохого медицинского обслуживания, допросов, насилия, посольских визитов и, главное, тюремного характера центра.

Центр нарочно расположен в глуши: большие решетки окружают лагерь, охраняемый стражниками. Беженцам разрешается выходить за его пределы, но они обязаны дважды в день являться за штампом. Даже для посе-

щения адвоката им не всегда удается уехать хотя бы на один день. Атмосфера действительно тюремная.

Беженцы изолированы от местного населения, все необходимое для жизни им предлагается доставать в самом центре. Дети ходят в школу (если вообще ходят) в другой деревне, чтобы беженцы не вступали в контакт с местными людьми. Такая дружба могла бы повлечь за собой проблемы, так как голландцы не захотели бы поддерживать депортацию и иллегализацию своих друзей.

Этим, однако, не ограничиваются нарочно создаваемые проблемы и трудности в жизни беженцев. В любое время суток каждый из них может быть депортирован. Длительные, изматывающие допросы, например: - Откуда вы приехали? - Из Либерии. - Нет, это неправда. Вы - из Нигерии. - Нет, я - из Либерии. - Как вы можете это доказать? - и т.п. Этим людям ни в чем не верят. Если они отказываются подчиниться, их отправляют в тюрьму или выбрасывают на улицу.

Медицинское обеспечение очень плохое: людям не дают необходимых лекарств, не позволяют сделать новые очки, когда старые разбиваются.

Не удивительно, что возникают серьезные проблемы. Один человек покончил с собой, у женщины случился выкидыш из-за отсутствия необходимой медицинской помощи; другая женщина объявила сухую голодовку протеста; мужчина умер от сердечной болезни. Беженцев выслают, используя фальшивые документы. Беженцев (даже с семьями) оставляют без помощи на улицах. Беженцам наносят физические увечья.

В прессе все эти ситуации были названы несчастными случаями. Становится все более и более очевидно, что это не несчастные случаи, но логические следствия, проистекающие из всей структуры и режима депортационного центра. Голландское правительство пытается сломить людей и избавиться от них, боясь поделиться даже маленькой толикой своего богатства. И хотя это не секрет для большей части голландского населения, до сих пор не возник настоящий массовый протест. Люди согласны принять объяснения, вроде таких: беженцы не имеют права находиться здесь, в действительности они не политические беженцы и т.д. и т.п. Или же они верят маске гуманизма, которую так любит голландское правительство. Голландские политики предпочитают изображать свою политику как трезвую, но гуманную. Голландцы не протестуют. Таким образом, они, похоже, согласны на откровенно расистскую и дискриминационную политику государства. Этот центр и другие подобные ему - примеры институционализованного расизма. Некоторые люди - менее равные, чем другие. Беженцев можно засадить в тюрьму без причины, что не может так просто случиться с голландцем. Беженцам разрешается лишь один раз обратиться с апелляцией, в то время как голландцам предоставляется гораздо больше прав. То есть с беженцами обращаются по-другому, чем с голландским населением. Остается лишь сделать вывод: в богатых западноевропейских странах нет места африканцам, русским, арабам... И любые средства хороши для удержания их за границами Европы.

WVV

(Рабочая группа: Свободу беженцам!)

Гронинген
Голландия

Доктор Сюз

Слон Хортон слышит кого-то

Однажды весной, четвертого мая, прохладную ванну в пруду принимая, слон Хортон вблизи услышал голосок, который был жалостен, слаб и высок. Внимательно слон огляделся вокруг...
- Забавно... Откуда-то слышится звук... Однако нигде никого не видать...

Но тут голосишко раздался опять. Как будто бы кто-то из крошечных сил о помощи тихо и робко просил.

- Я вам помогу! Только кто вы?
И где вы? -
выкрикивал Хортон и вправо и влево. Никто не возник. И никто не ответил. И тут он малютку-пушинку заметил. И слон прошептал: - Ну и ну! Чудеса!! Простая пушинка - и вдруг... голоса?! Ведь я не слышал, да и вы не слышали, чтобы пушинки так горько вздыхали!.. А вдруг там и вправду случилась беда? Какая-то личность попала туда. И глазу слона не увидеть его - несчастное крошечное существо. Наверное, эта малютка боится в холодном глубоком пруду очутиться.

И пусть она меньше, чем глаз муравья, но личность есть личность!
Так думаю я.

И, вытянув хобот, с большим уважением поймал он пушинку легчайшим движеньем и бережно ей опуститься помог на клеверный кустик, на мягкий цветок.

- Гм! - хмыкнула вдруг из листвы кенгуру. - Да где вы слышали такую муру?
- Гм... - буркнул из сумки сынок-кенгуру. - Да где вы слышали такую муру?! -
Мамаша сказала: - Пушинка мала. И личность попасть на нее не могла. Да и зачем, откровенно сказать, личности вдруг на пушинку влезать?
Но Хортон ответил: - Мне слышится голос! Там - личность! Хотя она тоньше, чем волос! А может быть, даже такое случилось, что н е с к о л ь к о личностей там очутилось! Не троньте их! Сделайте мне одолжение! Ведь личность должна вызывать уважение!

Сумку свою кенгуру застегнула
И в пруд вызывающе-шумно нырнула.
А слон испугался: - Какая волна!
Всех личностей чуть не накрыла она!
Погибнуть недолго беспомощным крошкам.
Поскольку я все-таки больше немножко, а личностям бедным обязан помочь.

Слон клевер сорвал и отправился прочь. Но в джунглях не долго хранятся секреты.
"Слон Хортон рехнулся! Вы слышали это?"
"В хоботе - клевер!"
"Нелепейший вид!"
"Гуляет с пушинкой!"
"И с ней говорит!"

А Хортон по джунглям печально гулял, смотрел на пушинку и вслух размышлял:
- Быть может, оставить пушинку в лесу?.. Ну, право, куда я ее понесу?
Но личностей может постигнуть беда!
Нет! Я н е м о г у! Ни за что! Никогда!
Пусть личность не больше, чем глаз муравья, но личность есть личность!
Так думаю я.

А крошечный голос звучал и звучал. Но Хортон его лишь едва различал.
- Погромче, пожалуйста! - Хортон просил и к самому уху цветок подносил. И сделался голос отчетливым вдруг:
- Мой друг! Вы чудесный, вы истинный друг! Вы нам помогли. Вы спасли от беды все наши кварталы, пруды и сады, все наши дома, потолки, этажи, и все магазины, и все гаражи...

Слон Хортон спросил: - Вы... построили... это?! И дух затаил в ожиданье ответа.
- Ну да! Несомненно! - пищал голосок. - Быть может, я ростом не так уж высок, но знаете, кто я? Я Мэр городка, в котором есть площадь, бульвар и река, просторные улицы, светлые здания, наш город, конечно, имеет название. Ведь каждый здесь КТО-ТО. И вот отчего мы городом КТО-ТО назвали его. И весь КТО-ТО-город, и КТО-ТО-народ свою благодарность спасителю шлет.

И Хортон взволнованно Мэру ответил:
- Я верю. Ваш город приветлив и светел. Живите. В реке своей рыбу удите. Под вечер на площадь гулять выходите. Пусть дети играют в мяташки и в прятки. А я вас не брошу. Все будет в порядке.

Но в это мгновение три обезьяны, известные в местном лесу хулиганы, по имени Викарсхэм, с визгом и криком повисли на Хортоне в гневе великом.

- Слону-дуралею приспела охота вести разговоры с какими-то КТО-ТО. Их нету! И Мэров у них не бывает!
А Хортон нам только мозги забивает.

Три Викерсхем крик невозможный подняли
и клевер у Хортон грубо отняли.
Потом со скалы пригласили спуститься
Влад-Влада и Кё - необъятную птицу.
- Немедленно сделайте нам одолжение!
Пушинка внушает нам всем раздраженье.
Мы знаем. Для вас не составит труда
ее унести неизвестно куда.

И, в клюве зажав драгоценный цветок,
огромный орел полетел на восток.
Все дальше пушинку орел уносил.
А Хортон вдогонку бежал что есть сил.
На камни, коряги и пни натываясь,
от быстрого бега уже задыхаясь,
слон Хортон просил чернобрюхую птицу:
- Молю вас! Не дайте пушинке разбиться!
Ведь страшно подумать, что целый народ
на землю с такой высоты упадет!

Орел чернобрюхий над ним повисал
и через плечо ему грубо бросал:
- Когда, наконец, болтовня прекратится?
Я очень большая и сильная птица.
Бежать вам придется всю ночь напролет.
Ведь мне нипочем этот быстрый полет.
А утром я спрячу пушинку туда,
где вы не найдете ее никогда.

В шесть сорок утра чернобрюхий орел
ужасную хитрость уже изобрел:
он спрятал цветок с неизвестной страной
на клеверном поле в сто миль шириной!
- Теперь отыщите! - он крикнул слону.-
А я к вам сюда через год загляну.-
Тут, хвост подобрав, он поднялся с земли
и, злобно хихикая, скрылся вдали.

Слон Хортон воскликнул: - Мне ясно одно:
Я должен пушинку найти все равно!

И клевер за клевером Хортон срывал,
и к каждому клеверу нежно взывал:
- Друзья мои! Где вы? Вы здесь или нет?

И снова ни слова не слышал в ответ.

Сто тысяч пятнадцать цветков он сорвал
И каждому тот же вопрос задавал.

И выросла в поле в двенадцать утра
Огромная клеверная гора.
Уже от усталости слон умирал,
но клевер за клевером перебирал,
пока с трехмиллионного клеверка
знакомого не услышал голоса.
- Друзья мои! - слон закричал.
- Вы здоровы?
Вы живы? Вы целы? Скажите хоть слово! -
И Мэр отвечал: - Этот гадкий орел
у нас беспорядок большой произвел.
Ведь все наши чайнички тут же разбились.
И все наши часики остановились.
И даже от новеньких кресел-качалок
осталась лишь груда бессмысленных палок.

Увы! Ни следа не осталось от бедных
потерянных шапочек велосипедных!
Такого еще не бывало у нас.
Мы срочно ремонт начинаем сейчас.
И знаете, мы бы вас очень просили,
чтоб вы нас пока что с собою носили.
И Хортон сказал: - Никогда и нигде
слон Хортон друзей не оставит в беде.

- Гм...- вдруг позади кенгуру проворчала.-
Вы что же, решили начать все сначала?
Два дня вы неслись через топи и горы,
чтоб с гадкой пушинкой вести разговоры!
Но я, кенгуру, заявляю вам снова,
что мирные джунгли не терпят такого!
- И я заявляю, - сыночек сказал
и гордо из сумки язык показал.
- Кончайте дурацкую вашу игру!-
сказала рассерженно мать-кенгуру.-
Сюда надвигаются дружную ратью
и Викерсхэм-сестры, и Викерсхэм-братья,
и Викерсхэм-тети, и Викерсхэм-дяди
сюда выступают в сплоченном отряде.
Не скрою, что это устроила я.
Они вас повалят и скрутят, и свяжут!
Они вам такую пушинку покажут!!
Придется, раз вы не хотите смириться,
пушинке в ореховом масле свариться.

- Свариться?! - слон Хортон вскричал в изумленье.-
Там люди! Там личности!
Там население!
Свариться! В ореховом масле! Стыдитесь!
Сейчас вы услышите! Вы убедитесь!

Скорее! - кричал он незримо Мэру.-
Примите немедленно срочные меры!
На площади митинг большой соберите.
Шумите! Гремите! Кричите! Орите!
Иначе случится большая беда!
В ореховом масле вас сварят тогда!

Мэр города митинг огромный собрал.
И КТО-ТО-народ что есть силы орал.
Наверное, целых пятнадцать минут
все КТО-ТО кричали:
- Мы - КТО-ТО! Мы - тут!

Их хор, как набат, тишину огласил.

- Надеюсь, вы слышали? - Хортон спросил.
- Ни звука, - ответила мать-кенгуру.-
Я слышала шелест листы на ветру.
Но ничего, кроме шума листы,
не слышала я и не слышали вы.

- Я тоже не слышал...- промямлил спросонок
из маминой сумки сынок-кенгуренок.
- Хватайте безумца! - они закричали.
И Викерсхэм-дяди в ответ зарычали.
И Викерсхэм-тети в ответ завизжали.
И Викерсхэм-братья к слону подбежали.
И все они дружно и злобно вопили:
- Вяжите слона! Да покрепче! Потуже!
А эту пушинку мы сварим на ужин.

Слон Хортон сражался отважно и смело.
 Но эта семейка его одолела.
 Все Викерсхэм били его и щипали,
 и больно на хобот ему наступали.
 Связали слона, не жалея каната.
 Но Хортон кричал: - Не сдавайтесь, ребята!
 Пусть личность не больше, чем глаз муравья!
 Но личность есть личность! Так думаю я!
 И если ваш голос сюда донесется,
 весь КТО-ТО-народ непременно спасется!
 Заставьте услышать о вашей стране,
 и вас не посмеют сварить на огне!

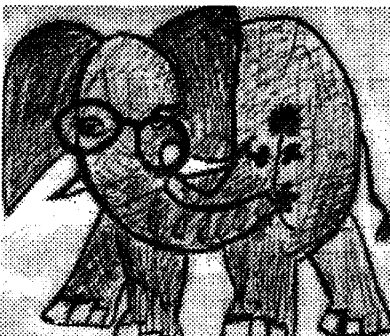
Мэр вынул там-там. И ударил. Да так,
 что сразу вокруг начался кавардак.
 Все КТО-ТО стучали в бидоны, в кастрюли,
 в охотничьи ружья старательно дули,
 в кларнеты, в тромбоны, в большие рога...
 От чайного ситечка до утюга,-
 ничто в этот миг не лежало без дела,
 все выло, стучало, звенело, гремело.
 Мэр крикнул с надеждой сквозь грохот и гам:
 - Эй, Хортон! Теперь нас слышали там?

- Я слышу отлично и грохот, и вой;
 но слух кенгуру послабее, чем мой.
 Проверьте, пожалуйста, ваших ребят.
 Все ли работают? Все ли шумят?
 А может быть, кто-то один увильнул?
 Не гаркнул! Не крикнул! И не громыкнул!
 Решил, что авось без него обойдутся?
 Ведь знаете, всюду такие найдутся.
 Так сделайте это! Я вас умоляю!
 Проверьте внимательно, нет ли лентяя!

С востока на запад, быстрее, чем птица,
 взволнованный Мэр пробежал по столице.
 Но каждый, казалось, на славу трудился.
 И каждый на месте своем находился.
 И, не жалея усердия и сил,
 каждый гремел, колотил, голосил.

Мэр думал: "Чтоб в масле нам всем не свариться,
 я просто обязан сейчас умудриться
 до нужного уровня шум довести.
 И значит, я должен КОГО-ТО найти".

И Мэр терпеливо обыскивать стал
 каждую улицу, каждый квартал,
 кинотеатры, музеи и тиры,
 все переулки, дома и квартиры.
 В ванную, в кухню и на балкон
 в каждом жилище заглядывал он.

И вдруг, от усталости изнемогая,
 он наконец обнаружил лентяя -
 в доме один, на шестом этаже,
 в квартире под номером семьдесят-же.

Вот где, оказывается, обитала
 личность, которой всем так не хватало.
 Надо признаться, что личность была
 довольно невзрачна и очень мала.
 Звали ту личность попросту Джон.
 В странное дело он был погружен.
 Покуда трудился народ на пушинке,
 он выгтащил мячик на длинной резинке,
 и он не визжал!
 Не пищал!
 Не орал!
 Он молча!
 Бесшумно!
 В свой мячик играл.

От гнева у Мэра упала панама.
 Схватил он в охапку беспечного хама.
 И кинулся прочь.
 И направил свой бег
 к башне под именем Эйфельберг.

- Послушай-ка, парень! - кричал он.
 - Сейчас
 черный час наступил для нас.
 Только шум мирового значенья
 может спасти нас от кипяченья.
 И ежели ты не разинешь свой рот,
 погибнут все КТО-ТО!
 ВСЕ КТО-ТО-НАРОД!

Так Мэр говорил, карабкаясь ввысь.
 Когда же на башню они взобрались,
 Он мячик у малого вырвал из рук
 и крикнул:
 - Издай же какой-нибудь звук!
 Прочитай свою глотку!
 Живей, остолоп!-
 Малый помялся...
 и выкрикнул:
 - ХОП!

И чудо свершилось! И чудо настало!
ШУМ КЕНГУРУ НАКОНЕЦ УСЛЫХАЛА!
 - Боже! - она прошептала в волненье.-
 Там люди! Там личности! Там население!
 Отныне я их под защиту беру!-
 сказала растроганно мать-кенгуру.-
 Какой симпатичный у них голосок!
 Звонкий! Веселый! Ты слышишь, сынок?

- Я слышал!
 Я тоже беречь их готов
 от зноя, от дождиков, от холодов!
 Пусть личность не больше, чем глаз муравья,
 но личность есть личность!
 Так думаю я!

Биологическая утопия

Попытки найти нечто общее, подчиняющееся единым законам, распространяющимся на биологические и социальные системы предпринимались не один раз. Они возникали и во времена древности, и во времена Возрождения, и в 19-20 веках. Однако всем им был присущ некий общий недостаток - отсутствие необходимых структур, обеспечивающих постоянное поступление информации о состоянии отдельных частей, составляющих целое, о степени обеспеченности каждой из них.

Биологический объект и общество являются открытыми системами, существование которых зависит от поступлений из внешней среды и от выделений в неё продуктов своего существования.

Первые организмы (они были сродни бактериям или сине-зеленым водорослям) состояли из протоплазмы и протоплазматической мембраны - удивительного образования, отделявшего, и ныне отделяющего, внутреннюю и внешнюю среды организмов. Протоплазма состояла из необычного комплекса высокомолекулярных соединений, обладавших каталитическими свойствами, обеспечивавшими течение биохимических реакций. Однако каждая из таких молекул могла существовать сколь-либо продолжительное время лишь в среде с высоким постоянством, иначе законы энтропии быстро разрушали ее: тем быстрее, чем сложнее оказывалась молекула. Вот это необходимое постоянство и обеспечила протоплазматическая мембрана: она воспринимала сигналы из внутренней и внешней среды и под их влиянием изменяла свою избирательную проницаемость таким образом, что даже при значительных изменениях во внешней среде (условия существования) внутренняя среда оставалась постоянной (гомеостазис). Конечно, чудо жизни нельзя умалить; прокариотические (безъядерные) клетки, достигнув определенных размеров, делились, делились... И так в течение более двух миллиардов лет. За это время все совершеннее становились биохимические механизмы, но изменения происходили слишком медленно до тех пор, пока одна из безъядерных не включила в себя другую, столь же безъядерную клетку со своими геномами. В результате выиграла обе - возникли эукариоты - ядерные клетки, обладающие навыком терпимости к чужим генам. Они смогли объединиться в многоклеточные организмы, так как сумели собрать внутри себя несколько геномов, приобрели способность к половому размножению, а значит к любви, к жажде объединения своих генов с другими. В результате многоклеточные организмы прошли в ускоренном темпе еще миллиард лет, в течение которого эволюционировали до млекопитающих (постоянство каждой из составляющих их клетки достигло высокой степени) и человека.

Разве лев - царь зверей? Человек - царь зверей.

Вот он выйдет с утра из квартиры своей,

Он посмотрит кругом, улыбнется...

Целый мир перед ним содрогнется.

В этом коротком стихотворении, посвященном Б.Окуджавой Ю.Домбровскому, сказано много важных вещей. Прежде всего, "человек - царь зверей" в силу совершенства своей организации, в силу наименьшей зависимости от окружающей среды ("из квартиры своей"). Великий французский физиолог Клод Бернар (1813 - 1878) уже в середине прошлого века утверждал, что "постоянство внутренней среды - условие свободной и не-

зависимой жизни". Вместе с тем постоянство внутренней среды возможно лишь на основе информации о степени отклонения от него. Такая информация способна рефлекторно включить механизмы, восстанавливающие данное отклонение.

Р.Вирхов (1821 - 1902 гг.), один из основателей немецкой партии свободомыслящих, крупнейший физиолог и патолог, говорил, что организм человека - это государство клеток и что сумма нарушений жизнедеятельности отдельных клеток - основа патологических изменений в организме. Но разве можно сопоставлять клетку живого многоклеточного организма с человеком, обладающим свободой воли ("он посмотрит кругом, улыбнется...")? С некоторыми оговорками - можно. Каждая клетка окружена мембраной, отделяющей её внутреннюю среду от внешней. Эта мембрана обладает удивительным свойством реагировать на сигналы, поступающие из внутренней и внешней сред, такими изменениями своей избирательной проницаемости, которые обеспечивают удержание внутренней среды в узких пределах её изменений при достаточно широком диапазоне возмущений, возникающих вне её. Мембрана клетки выполняет ту роль, которую в многоклеточном организме выполняет центральная нервная система. Конечно, лишь напоминает её, конечно, о свободе воли здесь речи быть не может, но адекватное реагирование на сигналы и минимальный объём памяти мембрана обеспечивает. А такой совершенный организм, как человеческий, усиливает надежность поддержания постоянства внутренней среды каждой входящей в его состав клетки с помощью нервной системы и кровообращения, связывающих каждую клетку с органами - посредниками с внешней средой - пищеварительными, дыхательными, выделительными. Всё это характерно для млекопитающих в целом, но для человека в особенности; он приобретает ещё и умение изменять внешнюю среду в направлении её стабилизации. За счет этого он продлевает срок своей жизни в 4 - 5 раз по сравнению с тем, что "отведено" другим млекопитающим. Он не только способен строить себе жилища, оснащать их и свои средства передвижения всякого рода кондиционерами, но и создал настолько опасные способы уничтожения других животных и себе подобных ("целый мир перед ним содрогнется"), что необходимо разрабатывать и внедрять меры ограничения его экспансии, его склонности решать спорные вопросы с помощью силы (практически безграничной).

Если попытаться перенести этот результат на человеческое общество, то очевидно, что оно должно стремиться к такому постоянству своей среды, чтобы каждому человеку было бы гарантировано достаточное питание и эффективные методы поддержания в чистоте среды его обитания. Это возможно, как говорит нам сравнительная физиология, только благодаря тому, что высокая степень специализации элементов сверхсложной системы, каковой является и человек, и современное общество, обеспечивает громадное число дублирующих друг друга элементов, в том числе и элементов управления. Человек состоит из 10 в 14 степени отдельных клеток. Из них 10 в 9-10-ой - нейроны, управляющие всеми жизненно важными процессами. Каждая функция контролируется многими тысячами нейронов, получающих информацию от в тысячу раз большего количества чув-

ствительных элементов (воронка Ч. Шеррингтона, (английский физиолог, 1857-1952 г.)). И только совместное решение этого множества нейронов (демократия!), основанное на информации о реальной ситуации, может обеспечить адекватное разрешение возникающих задач, создать условия формирования памяти, лежащей в основе интуиции; наконец, ведущее к возникновению мышления, фантазии, прогнозирования, предвидения. Для обеспечения такого рода демократии возникает и совершенствуется характерный признак регуляции внутренних органов - формируются вегетативные ганглии (симпатические и парасимпатические) - маленькие "кусочки" мозга, вынесенные на периферию. К ним подходят сигналы от иннервируемой периферии и от нервных центров более высокого порядка (спинной и головной мозг), и в ганглии в результате взаимодействия этих сигналов формируется рефлекторная реакция (начало общего конечного пути), направленная на ту часть периферии, откуда пришли сигналы. Это как бы местные органы власти, вынужденные учитывать как сигналы о состоянии периферии (например, голодание), так и приказы, исходящие свыше, вырабатывающиеся на основе информации о состоянии мышц и разнообразных параметров внешней среды. В результате вырабатывается решение, максимально учитывающее интересы местных органов и организма в целом. Следующий этаж регуляции - спинной мозг, туда тоже приходят сигналы от внутренних органов, но одновременно и от двигательного аппарата, и от вышележащих центров, в результате чего формируются команды к скелетной мускулатуре и к ганглиям внутренних органов. Сигналы с периферии из внешней среды (глаз, ухо, тактильные приборы, обоняние) сходятся во всё более высоких центрах головного мозга, формируя в них мотивации - сумму приказов, обуславливающих поведение организма во внешней среде и корректирующих состояние нижележащих центров и внутренних органов. На каждом этаже в решении принимают участие многие тысячи нейронов.

Отсутствие замкнутой системы циркуляции внутренней среды (кровообращения) привело к тому, что нейроны управляющей системы большей части беспозвоночных могут располагаться лишь на периферии ганглиев, число нервных элементов оказывается резко ограниченным. У такого агрессивного животного, как личинка стрекозы (в такой форме это животное живет 9 лет), оказывается всего около ста нейронов, информация о состоянии внутренних органов резко ограничена. Одна или две пары нейронов могут обеспечивать управление конечностями или пищеварительным трактом. Возникает прямая аналогия с тоталитарным режимом, который является вынужденной мерой, условием переживания организмов. Из этой ситуации нет выхода, представители беспозвоночных животных, составляющих основную массу биомассы на Земле, не дали, не могли дать высокоорганизованных организмов ("царей зверей").

Представляется вероятной приложимость приведённых соображений к организации не только человека, но и человеческих обществ. В разных случаях, в зависимости от уровня цивилизации представляется возможность более или менее демократического формирования тактики и стратегии поведения целого общества в зависимости от степени отклонения его от достигнутого постоянства его внутренней среды - количества пищи, наличия средств, обеспечивающих стабильность температурных и других параметров существования элементов (лю-

дей), удаления от них нечистот и т.д. Обращает на себя внимание то, что совершенствование жизненно важных процессов возможно лишь на базе достаточно полной информации об обеспечения каждой единицы (будь то клетка или человек), входящей в состав системы. Информация должна лежать в основе управления, правильнее, может быть, в основе регуляции целого.

Очевидно, что сегодняшнее состояние человечества, состоящего из многочисленных групп государств, сильно отличающихся по достижениям своей цивилизации, по идеологическим (в частности, и по религиозным) догмам, принятым каждой группой, не обеспечивает условий для применения к нему подобных умозрительных моделей. Однако, если мы (это кто же?) примем за главное способность человечества обеспечить каждого составляющего его человека всем необходимым для его жизни в сочетании с непрерывным контролем за достаточным распределением этого потенциала, за состоянием периферии, каналов такого снабжения и очистки сред обитания, которое обеспечивало бы высокое постоянство среды обитания, различную информацию о любом интересующем вопросе, то можно ожидать существенного улучшения возможностей реализации свободы воли каждого человека.

При этом нельзя забывать, что все мы живём в едином четырёхмерном пространстве (четвёртая составляющая - время), в котором каналы снабжения - очистки обеспечивают непрерывное изменение во времени, но должны создавать условия сохранения постоянства в каждом локусе пространства, пригодного для обитания человека. Об этом необходимо заботиться, стремиться к созданию единой пространственно - временной среды. Кажется заманчивой перспектива нивелировки временных различий между индустриально развитыми и отсталыми сообществами в пользу последних, устранение барьеров, ограничивающих перераспределение человеческих масс, независимо от пола, цвета кожи, разреза глаз, особенностей мифологии. Нужно все делать для того, чтобы отмерли сепаратистские установки, чтобы люди могли жить, учиться, обмениваться генофондами в любой стране, прежде всего в развитых странах. Может быть, эта цель по плечу антифашистским движениям?

В отличие от остальных животных человеческие детёныши перенимают опыт, накопленный предыдущими поколениями в течение многих лет. Особенное значение информация играет в период обучения. Конечно, он не ограничен периодом роста и развития организма, но продолжается и в периоды его зрелости и старения. В каждом периоде главенствует разного рода информация, служащая целям общего развития ребёнка, его специализации и после "выхода на пенсию" - вновь общее развитие с преобладанием творческого элемента прогресса и совершенствования базы данных. Мне представляется, что унификация сведений, передаваемых детям и подросткам, является путем устранения всевозможных расовых и групповых различий. Специализация допускает включение в обучение элементов национальных особенностей, но наибольший удельный вес их может быть достигнут у стариков, склонных к консервативному восприятию мира, но в силу громадного объёма опыта и наличия достаточного количества свободного времени могущих придти к важным для всех поколений выводам.

Как нам обустроить планету, ИЛИ Чем я хуже Солженицына?

Почему нас, таких слабых и податливых, с детства учат любить в первую очередь свою страну, а не город, улицу или планету? Почему нам с юных лет внушают, что мы должны быть готовы умереть за свой народ, а всякого, кто откажется так поступить, заранее называют предателем? Почему каждого здорового человека мужского пола заставляют вслух произнести обещание убивать и умирать самому по чьему-то приказу - обещание, известное под названием военной присяги? Неужели любовь к родине непременно должна выражаться в ненависти к тем, кого считают ее врагами? Полноте, не о стране здесь идет речь, и не о людях, ее населяющих, - это государство, потирая мохнатые лапы, готовит очередную порцию пушечного мяса для будущей кровавой бойни. Потому и засело так прочно в российских педагогических умах это зловещее сочетание слов - *военно-патриотическое воспитание*... Воспитание любви к государству, холуйской преданности его представителям, которые в тиши дубовых кабинетов решают судьбы тысяч людей.

В истории человечества справедливые войны можно пересчитать по пальцам. Как правило, войны возникают из-за того, что имеющим много хочется иметь еще больше, и они принимаются за дележку, усердно загребая жар чужими руками. И тогда люди, еще вчера преисполненные желания жить в мире и согласии со своим ближним, вдруг загораются звериной ненавистью к таким же, как и они, двуногим разумным существам, вся вина которых заключается в том, что они говорят на другом языке, молятся другому богу или просто имеют других правителей. Они убивают со спокойной совестью и умирают, уверенные, что жертвуют собой во имя своего народа. Такие плоды приносит казенный патриотизм, неразрывно связанный с милитаризмом.

К счастью, времена меняются. Сегодня люди из разных стран все чаще общаются друг с другом, потому что средства транспорта и связи становятся все совершеннее и дешевле, а это, в свою очередь, углубляет международное разделение труда. Если колесо от трактора, сборку которого осуществляет американский завод, выгоднее производить в Японии, а двигатель - в Германии, то тысячекилометровые расстояния не станут помехой. Рост международной торговли делает все страны мира зависимыми друг от друга: если американское и японское правительство поссорятся и прекратят торговать друг с другом, то американские трактора останутся без колес, а японские рабочие - без работы. Развитие торговли и совершенствование средств транспорта и связи ведут к увеличению числа личных контактов между людьми разных стран - кто-то едет за границу по делам, кто-то отправляется на учебу, а кто-то путешествует. Люди изучают иностранные языки, знакомятся друг с другом, становятся друзьями. Они начинают спокойно относиться к тому, что их разделяет. Друзья могут долго спорить о том, что лучше - кислая капуста или жареные лягушачьи лапки, - но едва ли после такого спора им захочется стрелять друг в друга из пушек и колоть штыками.

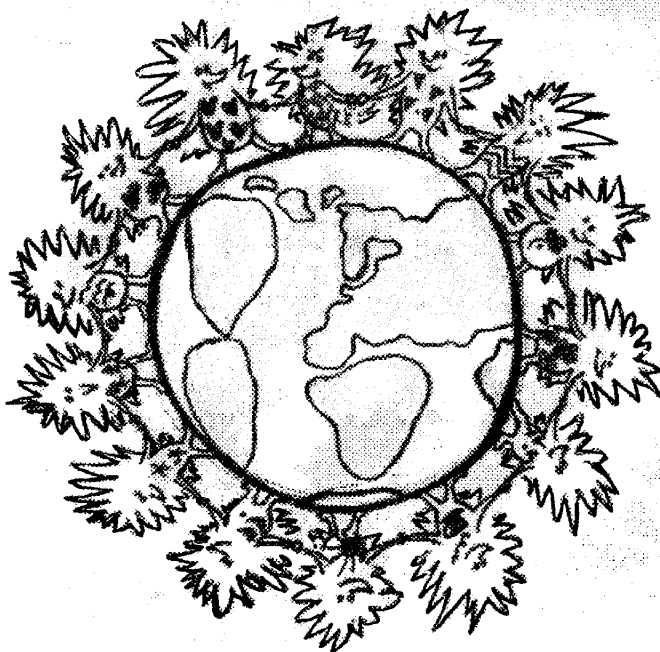
И все же, несмотря на все достижения цивилизации, сегодня мы не имеем права утверждать, что человечество идет по правильному пути. Развитие всемирных рынков сближает людей, живущих в разных частях земного шара, но в то же время увеличивает пропасть между богатыми и бедными в каждой отдельной стране, заставляет целые народы влачить жалкое, голодное существование. Крупная корпорация в наши дни может легко свернуть производство в одной стране и переместить его в другую, иногда находящуюся на расстоянии в несколько тысяч километров. Причины такого "переезда" могут быть самыми разными: например, рабочие требуют повышения заработной платы, или правительство вводит новые налоги, чтобы улучшить систему здравоохранения. С закрытием предприятия сотрудники потеряют работу, а правительство соберет меньше налогов и будет вынуждено выплачивать больше денег в виде пособий по безработице вместо заботы об охране здоровья. Скорее всего, правительство хорошенько подумает и не станет повышать налоги, оставит все как есть, даже если перед выборами правящая партия обещала избирателям открыть дюжину новых больниц. Это означает, что транснациональные корпорации, контролируемые узким кругом преуспевающих бизнесменов, получают возможность диктовать свои условия демократически избранным парламентам и правительствам. Демократия, когда-то с таким трудом завоеванная народом в борьбе за всеобщее избирательное право, сегодня рухнет под натиском мирового рынка.

Не менее пагубны последствия всевластия международного капитала и в других сферах. Через средства массовой информации людям навязывают определенный стиль жизни, выгодный хозяевам корпораций. Человека превращают в ненасытного потребителя, который готов работать день и ночь ради того, чтобы купить новую шмотку или тачку. В то время, как одни трудятся по шестнадцать часов в сутки, другие не могут найти для себя хоть какой-нибудь работы, мучаются своей ненужностью, бесятся при виде шикарной жизни, которую им показывают в рекламных роликах и в кино. Воротилы крупного бизнеса воспринимают требования по охране природы как ненужную обузу, и стараются, по возможности, не заниматься усовершенствованием систем очистки и переработки отходов, а попросту переносить экологически опасные производства в развивающиеся страны, где законы менее жестки, а чиновники охотнее берут взятки.

Обездоленные, заброшенные, озлобленные люди в любой части света - и в богатой Европе, и в бедной Африке - представляют собой благодатную почву для разного рода "патриотической" пропаганды, суть которой состоит в утверждении: во всех наших бедах виноваты чужаки, иммигранты, иноземцы. Бедные люди не ездят за границу, они плохо знают языки и не имеют друзей среди иностранцев. Им легко внушить, что если "мы" не будем вооружаться, "они" придут и слопают нас с пот-

рохами. Такая психологическая обработка может быть очень эффективной и в отношении людей, погрязших в потребительстве, которых ничего не интересует, кроме собственного кошелька и желудка. Им неинтересны люди вообще и другие народы в особенности, они склонны хвататься за "традиционные" ценности, в числе которых всегда на одном из первых мест любовь к родине и ненависть к ее врагам. А уж тут всегда наготове всевозможные эксперты и аналитики, готовые с умным видом углубиться в геополитические изыскания и просчитать с математической точностью, какой супостат будет угрожать родимой земле через десять, а какой - через пятнадцать лет. Самый свежий пример такого рода - гарвардский профессор Сэмьюэл Хантингтон, скандально известный своими прогнозами о грядущем столкновении цивилизаций. Последним плодом его интеллектуальных усилий стало пророчество о том, что в 2010 году непременно начнется война между США и Китаем, которая затем перерастет в третью мировую. Господин Хантингтон пользуется большим уважением в определенных кругах в Пентагоне - среди тех именно генералов, которым не по нутру сокращение государственных военных ассигнований после развала СССР, и которые поэтому ночей не спят, занятые поиском нового врага для американской военной машины. Знакомая ситуация, не правда ли?

Что же, спросит читатель, неужели автор статьи убежден, что война между Китаем и Америкой совершенно невозможна? Увы, совсем наоборот. Автор уверен, что если мы все уподобимся Хантингтону и начнем озираться вокруг, подозревая в каждом из соседей потенциального агрессора, то третьей мировой войны не избежать. Потому и выступает он против того, чтобы в каждом гражданине любого государства видеть прежде всего будущего солдата, против поисков мистической "национальной идеи" и страха перед "иноземцами".

Давайте забудем о том, что нас разделяет, давайте строить отношения между государствами и народами на началах *интернационализма и демократии!* Современное общество - это очень сложный и чувствительный организм, который не может обходиться без развитой системы управления на всех уровнях - а значит, без государства. Государства не должно быть слишком много - оно не должно вмешиваться в те сферы, где гражданское общество способно само себя регулировать. Но государства не должно быть и слишком мало, потому что иного механизма, позволяющего гражданам контролировать условия своего существования, увы, не существует. Если сокращается сфера власти демократического государства, очень часто расширяется сфера власти денег или насилия.

Сегодня международные рынки - это сфера почти

безраздельного господства больших, гигантских денег. Но если мы отбросим расовые, национальные и прочие подобные предрассудки, то вполне можем ограничить отрицательные последствия интернационализации экономики, сохранив при этом большую часть преимуществ. Для этого не нужно создавать всемирное правительство с диктаторскими полномочиями - вполне достаточно обычного международного сотрудничества в рамках существующих организаций наподобие ООН. Координация мероприятий по регулированию экономики, сегодня проводящихся всеми правительствами взаимной, позволила бы серьезно расширить возможности государства как гаранта благосостояния своих граждан.

Всемирный налог на валютные операции серьезно уменьшил бы доходы валютных спекулянтов и позволил бы собрать значительные средства на помощь развивающимся странам.

Перечень такого рода мер можно продолжить, но тогда эта статья раздулась бы до бесконечности. Гораздо интереснее попытаться ответить на вопрос - а что делать нам в России, где государство одновременно унижает своих граждан безграничной бюрократизацией мельчайших деталей их жизни и оказывается неспособно защитить их от бесстыдной, кровавой власти нечестно нажитых денег? Ответ все тот же - мы должны бороться за демократию, против национализма и

милитаризма, соединенными усилиями пытающихся навязать нам некую державную идеологию, смысл которой все тот же: *мы лучше всех, они виноваты во всех наших невзгодах. Мы должны бороться за демократию как за идеальный принцип: вся власть в обществе исходит от народа, граждане имеют право контроля за принятием решений, которые задевают их интересы.*

Наши деды полвека назад победили фашизм силой оружия. Сегодня, однако, Россия находится скорее в положении Германии двадцатых годов, где многочисленные гитлеры ждут удобного момента, чтобы выступить в роли спасителей нации и героев-завоевателей. Сегодня линия фронта проходит внутри нашей страны, и борьба идет не с помощью пушек и пулеметов, а *против* дубинок и пистолетов, минометов и ракет как средства решения социальных проблем. Поэтому каждый шаг по пути создания правового государства, сокращения нашей раздутой и бесполезной армии, создания новых рабочих мест, налаживания мирного сотрудничества со странами Запада и Востока - это победа над фашизмом. Каждая зачеркнутая свастика, каждая газетная статья, в которой фашистов называют фашистами, а не "защитниками отечества", не только приближают нас к построению свободного, демократического общества в России. Это еще и наш вклад в дело мира на Земле.

В. М.

Боло'боло - альтернативная история

Анархистская утопия

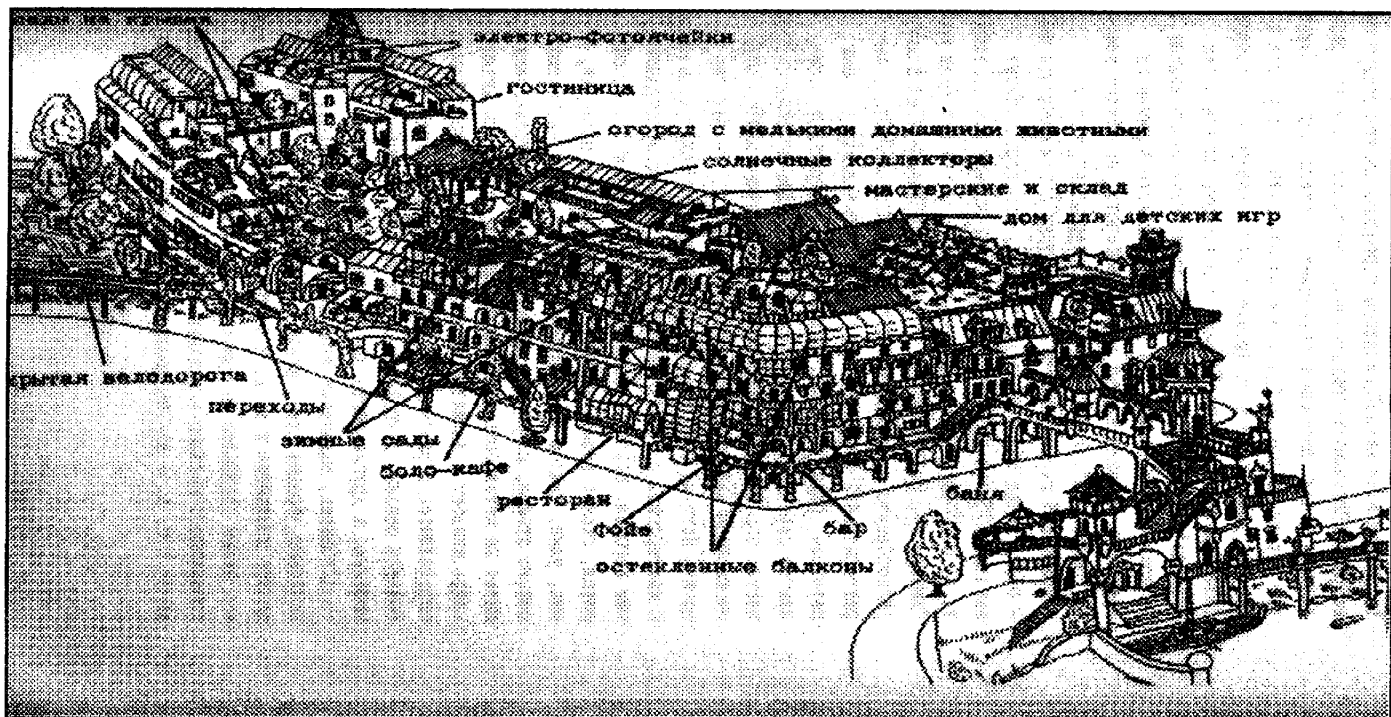
В настоящее время, когда прогресс дошел до такой стадии развития, при которой приготовлено и вполне реально может произойти атомное самоубийство всей планеты, но которая, в то же время, все еще не позволяет в некоторых странах обеспечить элементарный прожиточный минимум, стало очевидно, что пора критически взглянуть на наше прошлое и настоящее. Необходимо найти в себе мудрость и смелость, чтобы осудить нашу историю за то, за что заслуживает осуждения, а осудив, предложить нечто новое. Именно это и попытались сделать авторы книги с несколько странным названием "Боло'боло", о которой рассказывается в предлагаемой статье.

Книга была написана в США приблизительно в начале 80-х годов. Ничего более конкретного, к сожалению, сказать нельзя. Авторами была поставлена цель осуществить перевод и издание на всех языках мира. Неизвестно, удалось ли им это, но русский вариант существует, при чем над ним работали не профессионалы (это видно по комизму некоторых опечаток и словосочетаний), а, просто очень целеустремленные и трудолюбивые люди.

Книга композиционно разделена на две части. В первой части содержится описание нашего прошлого, критика настоящего, доказательства пагубности продолжения подобного развития истории: "Вместо многообразного и свободного совместного проживания [первобытное общество - В.П.] мы построили пирамиду угнетения:

короли-мужчины-женщины-дети-животные-растения... Мы стали рабочим скотом государства... С индустриализацией ... все общество, вся планета стала одной большой рабочей машиной. Гнет умножился и был автоматизирован... Социализм был только новым трюком рабочей машины, которая пробилась и там, где не было частного капитала. Для машины все равно - что политбюро, что совет акционеров..." Авторы говорят о том, что все мы без исключения, даже "оппозиционеры", являемся составными частями этой машины, так как ей для успешного функционирования и усовершенствования необходима определенная доза сопротивления (профсоюзы, мятежи, демократические партии). Машина работает по принципу "то, что нас не убивает, делает нас крепче", но если в какой-то ситуации ее перестанет устраивать демократия, то всегда есть возможность для установления диктатуры, влекущей за собою пытки, тюрьмы, геноциды.

Машина состоит из трех частей (наука, промышленность и "сфера услуг"), в соответствии с которыми люди также делятся на три группы "рабочих", каждая из которых страдает от этой машины и одновременно является ее составной частью. Первая группа состоит из научно-технических высокооплачиваемых и высококвалифицированных "рабочих". Их отличительная черта - разочарование в потреблении. Они богаты, но пресыщены. Массовая культура не может предложить им ничего "настоящего", так как с ростом массовости падает качество

Проект квартала в городе будущего

(пища безвкусная, быт стандартизирован, телевидение исчерпало себя в повторении и т.д.). Вторая группа - это индустриальные рабочие и служащие со средней или низкой зарплатой. Проблема состоит в том, что для них формулируются по сути те же стандарты, что и для "рабочих" первой группы, только под видом мечты о "социализме". Достичь же этих стандартов рабочие второй группы не могут, поэтому степень их разочарования в жизни еще больше. Третья группа - это случайные, сезонные рабочие, мелкие крестьяне, вращающиеся между работой в сфере обслуживания, мелкой торговлей, безработицей и преступностью. Это наиболее нищий слой населения, так как он является результатом столкновения машины с альтернативными путями исторического развития (в странах 3-его мира происходит разрушение национально-культурных традиций и образование так называемой "резервной рабочей армии").

Каждая из трех групп находится в кризисном состоянии. Они ненавидят друг друга и вступают друг с другом в противоречия, разрешить которые в рамках машины невозможно. Машину необходимо разрушить, что станет возможным лишь при преодолении разрыва между функциями этих групп. Это должно произойти на основе личных связей, контактов и совместных действий по расшатыванию машины. Причем именно то, что будет разрушать систему, придет ей на смену.

Вторая часть книги и представляет собой описание этого возможного будущего, предложение примерного плана действий. В качестве одного из вариантов развития событий авторы предлагают "боло'боло" - систему разделения мира на автономные поселения, так называемые "боло". Каждое боло состоит примерно из 500 человек. Это может быть многоквартирный дом, деревня, корабль или остров. Люди, объединившиеся в боло, могут и вовсе не иметь постоянного дома и просто путешествовать по свету. Принцип объединения - добровольный. Могут существовать боло музыкантов или сапожников, атеистов или верующих, ученых или крестьян, а также смешанные боло, объединившиеся исключительно из-за личной симпатии. В каждом боло труд не обязателен, но желателен. Каждое боло сможет самостоятельно обеспечить себя всем необходимым, а в случае недостаточности подобного "натурального хозяйства" боло будут заключать друг с другом договора по обмену (денежная система должна исчезнуть вместе с государством). Чтобы избежать опасности возникновения частного капитала, неизбежные излишки предлагается дарить кому-либо конкретному, либо сдавать на спе-

циальные "склады подарков", где каждый сможет рассчитывать на получение всего необходимого. Ведь если даришь сам, то и тебе дарят! Кроме того, определенную часть излишка предлагается откладывать для возможных гостей. Каждое боло должно быть гостеприимным, а плохая репутация может повредить отношениям с соседними боло и заключению обменных договоров. Так как исчезнет государство, исчезнут и границы, и каждый желающий сможет путешествовать по всему миру, пользуясь бесплатным транспортом. Конечно, могут появиться люди, которые начнут "бродяжничать" по свету, не работая, не принося пользы и живя только за счет гостеприимства остальных. Но подобное явление не может составлять серьезной угрозы благополучию общества, так как оно никогда не станет массовым (бродяжничество имеет свои неудобства, например, необходимость постоянно привыкать к новому образу жизни). Кроме того, постоянно путешествующие люди тоже могут сделать много полезного: разносить новости, распространять идеи, моды. Каждый человек имеет право перейти в другое боло или создать новое. Именно благодаря этому сводится к минимуму опасность возникновения тоталитарного общества, ведь из любого, даже фашистского, боло (а существование подобного образования вполне возможно, потому что никакая идеология не может подвергаться гонениям, и люди вольны жить так, как им хочется) человек сможет переселиться туда, где жизнь, по его мнению, правильнее и лучше. У агрессивных боло сложится плохая репутация, и они просто могут оказаться изолированными от остального мира.

К сожалению, размеры данной статьи не позволяют подробно рассказать о всех пунктах проекта "Боло'боло", отметим лишь, что он довольно детален и охватывает практически все сферы жизни человека. Конечно, это утопия. Сами авторы называют свой план сказкой, мечтой. Но отличие этой утопии от многих других утопий прошлого и настоящего в том, что четкий план, содержащийся в ней, изначально заключает в себе подлинную свободу выбора, многовариантность развития истории и возможность для сосуществования и гармоничного сочетания любых форм общественного устройства. Пусть это мечта, но мужество, необходимое для подобного осмысления человеческой истории и, главным образом, для попытки предложить человечеству нечто новое, заслуживает уважения и одобрения.

В.П.Кирсанова

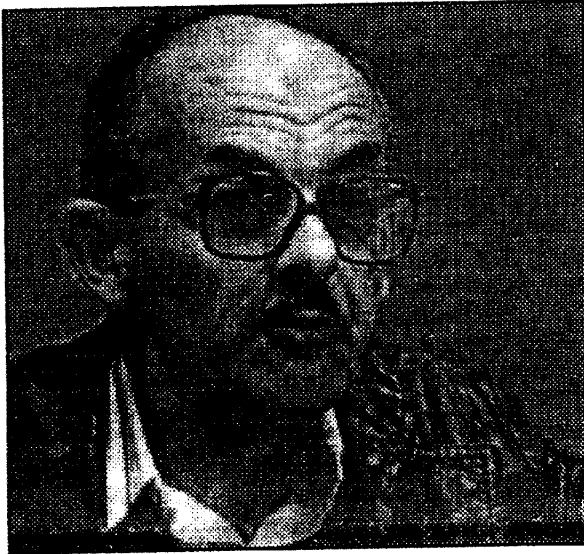
О СМОКОВНИЦЕ

...Прежде разрезания смоквы внутри ее живут мошки, называемые комары, во тьме, не видящие света. И говорят между собою: "В великой стране живем". А сидят во тьме. Когда же разрезают смокву и они вылезают, то видят сияние солнца, луны и звезд и говорят между собою: "Во тьме мы сидели и в тени смерти", - прежде разрезания смоквы. [Смоква] разрезается в первый день, а в третий готова и становится пищей всем.

"Физиолог" (II-IV вв.)

Арбатское детство

Посвящается памяти Булата Окуджавы...

Жизнь свела меня с Булатом Окуджавой, когда нам обоим было по пять лет. Мы ходили в одну группу детского сада на Колошином переулке, на Арбате. Я запомнил из всех детей только его, а было нас в группе человек двадцать. И еще запомнил огромные, больше нас самих красочные кубики, из которых мы что-то строили, и обучение всех нас первым навыкам домашней работы, и почему-то сладкую гречневую кашу... В жизни Булата начались страшные события: арест родителей, расстрел отца, радикальное изменение материального положения. И все же главным для него, как и для целого поколения, оставались интернационализм, антифашизм, атеизм. В нашем представлении война была не отечественной, но антифашистской; борьба с запретами внутри страны протекала в компании "коммисаров в пыльных шлемах", "комсомолочек", Ленек Королевых и воспевшего их Булата.

Мое детство, также как и детство Булата, прошло на Арбате, в те же годы, что и его. В то время (1929-1930гг.) завершался жестокий сталинский переворот (или попросту - захват власти). Крестьяне (а Россия была крестьянской страной) были согнаны в колхозы, лучшая их часть была уничтожена или сослана в малопригодные для жизни места Сибири (раскулачивание), остатки НЭПа ликвидированы; начиналась эпоха пятилеток, которые выполнялись в четыре года, стахановских движений, когда достижения одних, поставленных в небывало льготные условия, объявлялись нормой для всех, а тех, кто эти нормы не выполнял, репрессировали и заставляли бесплатно работать в системе ГУЛАГ.

Однако мы - дети Арбата - на той, ранней стадии сталинизма были защищены трудолюбием и верой наших родителей в то, что несмотря ни на что остается шанс развития из утопических идей Маркса "реального социализма". Эта надежда подвергалась жестоким испытаниям: концлагеря для рабочих, восстания тамбовских крестьян, жестоко подавленные Красной Армией под командованием Тухачевского, голод на Украине, уничтожение слой за слоем чекистов, военачальников, спе-

*Гляжу на двор арбатский, надежды не тая,
Вся жизнь моя встает перед глазами...*

циалистов, партийных работников. В конце тридцатых в эту непрерывающуюся мясорубку были брошены родители многих арбатских детей.

У нас выработывалось особое братство. Многие дети скрывали то, что их положение коренным образом изменилось. Они были уверены, что это недоразумение, что их-то прекрасных пап и мам напрасно увезли "черные маруси". Другие верили, ощущали себя героями "безымянного семейства", члены которого готовы любой ценой искупить вину перед социалистическим отечеством. Успешно внедрялся в наши головы лозунг "Лес рубят - щепки летят". Им объясняли происшедшее: "лучше пусть пострадает девять невиновных, только бы не ушел десятый - виновный".

Арбат нашего детства, а это тридцатые годы, был в некоторых отношениях исключительной страной. С одной стороны, по этой улице проходил кратчайший путь от загородных резиденций Сталина и его сатрапов до Боровицких ворот Кремля. Чуть ли не ежедневно по нему проносились автомашины, в одной из которых находился Хозяин. Из остальных автомобилей (М-1) на обитателей Арбата, оказавшихся на улице в это время суток, были наведены стволы охранников. Охранники стояли также у каждого дома. Может быть такая картина окончательно сложилась после убийства Кирова? Я отлично помню мрачный день (осень?); на углу Арбата и Колошина переулка - напряженная фигура человека в темно-зеленой шинели до полу, прошупывающая глазами каждого идущего мимо. Одноклассники говорили, что в ненастную погоду стоявшие у каждого дома топтуны заскакивали к ним погреться, выпить горяченького.

В нашем классе после 1937 года почти не оставалось ребят, чьи родители не были бы арестованы, в значительной части расстреляны. Детям "врагов народа" оставляли одну комнату, в остальные вселяли энкаведешников (комната в коммунальной квартире и для них была пределом мечтаний).

Мрак и ужас этой картины осознавался нами совсем не столь отчетливо. Мы были детьми. Мы, если и не были сыты, то и голод не оказывал на наше мироощущение решительного влияния.

В середине тридцатых происходили международные события, отвлекавшие нас от ужаса внутренних дел во вне. Началась испанская революция. Об этом у нас не говорили. Эти события назывались "гражданская война в Испании". Дело в том, что испанскую революцию возглавляли левые силы - анархисты и троцкисты (ПОУМ), которых Сталин ненавидел и которым помогать не собирался. Он оказывал содействие более умеренным либералам во главе с генералом Миаха, под командованием которого находились просталинские коммунисты и часть интернациональных бригад. Им Сталин помогал. Всем этим силам противостоял генерал Франко, возглавивший после убийства еще более правых генералов фашистскую партию - фалангу. Против фаланги и сража-

лись все антифашисты мира (помните "Пятую колонну", "По ком звонит колокол" Хемингуэя?).

Мы - мальчишки - мечтали вступить в интербригаду, не догадываясь, что под Мадридом и в Каталонии сражаются разные интербригады ("Прощай, Каталония" Оруэла).

Сталинские эмиссары во главе с московским журналистом Кольцовым (Карков у Хемингуэя) достаточно быстро стали наводить свой порядок, расстреливая анархистов и ПОУМовцев. В итоге война была проиграна, революция разгромлена. Фашисты расстреливали не менее энергично, чем сталинисты. В результате, многие дети испанских демократов были разбросаны по разным странам, в том числе оказались они и в Советском Союзе. Мы зачитывались репортажами Кольцова, его "Испанским дневником", гордились им, пока не наступила и его очередь, и он тоже был расстрелян.

Испанская эпопея длилась около трех лет и создала у нас иллюзию революционности нашей страны. "No pasaran!" "Pasaremos!" (Они не пройдут! Мы пройдем!) стали нашими лозунгами. Кулак у правого плеча - нашим любимым жестом, пилотка испанского образца - желанным головным убором.

То, что случилось в 1939 году, было непонятно до трагического восприятия. Договор Молотова-Риббентропа. Какие-то туманные объяснения, которым все же хотелось верить. Англо-саксонские плутократы... Захват прибалтийских республик, неудача аналогичной акции в отношении Финляндии. Позорное наступление Красной Армии, преодоление линии Маннергейма. Он, оказыва-

ется, тоже фашист. Громадный фашистский флаг над зданием австрийского посольства. В разгар этих непонятных событий - "22 июня ровно в 4 часа Киев бомбили. Нам объявили, что началась война".

Это было как пробуждение от заполненного кошмарами сна. "Вставай, проклятьем заклеименный..." - воспринималось буквально. Мы все толпились перед военкоматами, перед сборными пунктами ополчений, коммунистических дивизий, лыжных батальонов... Даже мой отец, потерявший ногу во время гражданской войны, записался в ополчение. Я вынул из тайника отцовский пистолет и засунул его вместе с кобурой в свои брюки-гольфы, но был разоблачен и высмеян отцом.

Постепенно все упорядочивалось, несмотря на сокрушительные наши поражения первых месяцев войны, когда фашисты едва не взяли Москву, несмотря на последующие поражения на Волге, на Кавказе... "Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой." В этом небывалом напряжении участвовали и мы с Булатом, и миллионы призванных под ружье людей, в основном молодых, в основном погибших в ходе этого напряжения... Нам двоим повезло. После всех ранений мы выжили, вернулись к учебе...

Пусть память - нелегкая служба,
Но все повидала Москва,
И старым арбатским ребятам
Смешны утешенья слова. (Б.О.)

Б.К.

МИТИНГ у закладного камня

5 сентября на Троицкой площади правозащитная организация "Мемориал" проводила митинг, посвященный памяти жертв "красного террора".

Каждый год в этот день у Закладного камня собираются потомки погибших в 1918-20 годах от рук большевиков и те, кто не хочет, чтобы подобное когда-нибудь повторилось. "Декретом о красном терроре" от 5 сентября 1918 г. большевистское правительство "узаконило" преступления, которые оно совершало и ещё намеревалось совершить ради "дела революции".

Связав прошлое и настоящее, на митинге говорили о КГБ, его наследнице ФСБ и людях, умеющих быстро перекрашиваться, менять маски и удерживаться на плаву, о том, что, возможно, ничего не изменилось, а только ушло вглубь, притаилось: "Из КГБ ведь никогда не уходят - остаются на месте" (В.И.Вдовин). Эти люди остаются, их власть не исчезает, они продолжают влиять на политику.

Представитель Молодых Христианских Демократов (МХД) предложил считать митинг началом кампании за отставку генерала Черкесова, возглавляющего ФСБ Санкт-Петербурга. МХД считают, что молодёжь имеет право на альтернативную службу, что нельзя людей преследовать за призывы не идти в армию, что жители города имеют право требовать отставки человека, продолжающего традиции КГБ и бессильного в борьбе с преступностью. Если мы не хотим видеть, как в России на глазах у всего мира сажают в тюрьму А.Никитина за сотрудничество с организацией Belluna, за правду о критическом положении атомных подводных лодок в

Баренцевом море, за вклад в защиту окружающей среды, если мы хотим действительно чего-то нового, а не просто новой вывески, то нельзя оставлять у власти тех, кто работал в КГБ и отправлял людей в лагеря. А то ведь опять получится, что народ обретет таких руководителей, каких он заслуживает. А как же гражданское общество, права человека?

Многие сейчас с ностальгией вспоминают, как жили "тогда". Но не дай нам Бог вернуться в то "тогда". Да, но только все меньше и меньше людей в этом уверены. А чем хуже народу, тем лучше Зюганову. Зачем же одной стране повторять ошибки дважды? В. Таганкин, сын одного из тех, кто пострадал в годы "красного террора", считает, что "отрицательный опыт также положителен": коммунизм невозможен, а проповедь коммунизма - пустая трата времени. Новое поколение не должно попасться на эту удочку. Чем больше людей это поймут, тем меньше шансов, что красивая идея выльется в насилие, террор, в "революционную целесообразность" и приведёт к власти людей с рабской психологией, при которых ни о каком гражданском обществе не может быть и речи. Ведь "серость, приобретающая власть, становится страшной" (В.В.Иофе).

В день памяти жертв красного террора участники митинга говорили о том, что надо не допустить чего-либо подобного. Надо с чего-то начать. МХД предложили начать с Черкесова...

А. К. & Н. С.

Лагерное Сопротивление

(Продолжение. Начало см. в "Тум-балалайке-5")

Этой статьей мы заканчиваем военную историю Георгия Валерьевича Семеняки, председателя "Организации бывших узников фашистских концлагерей и гестаповских тюрем".

Декабрь 1941 г.. Георгия Валерьевича доставили в лагерь для военнопленных "Редериц". Когда Георгий Валерьевич заболел тифом в начале 1942 г., он был передан в ведение руководителя санчасти при лагере, полковника Хартера. Содержавшиеся в санчасти больные не получали там никакого лечения. Они были только изолированы от всего остального лагеря, в этом и заключалось лечение. Руководитель санчасти не подчинялся начальнику лагеря, и это давало некоторые преимущества перед остальными заключенными. Доктор Хартер заботился о питании больных. Брюква, картошка (до 6 фунтов в день на человека), маргарин, мармелад, искусственный кофе, хлеб, колбаса - все это позволяло выжить заболевшим. Здесь отношение к заключенным было более человечно.

Во время обходов санитаров Георгий Валерьевич разговаривал с ними. Они говорили об устройстве своих государств, о ходе войны. Георгий Валерьевич мог попросить у них газеты. Однажды ему принесли вырезку из газеты с фотографией рукопожатия Молотова и Гитлера. Он повесил ее на стенку, сказав, что в СССР он не смог бы этого сделать свободно.

Лечась посредством изоляции, Георгий Валерьевич через полтора месяца выздоровел и готовился к отправке обратно в лагерь, но однажды он в строю обратился по-немецки к одному из конвоиров с каким-то вопросом. Доктор Хартер приказал ему выйти из строя и оставил его в санчасти в качестве переводчика, писаря и санитаря. С этого момента Георгий Валерьевич стал участником Сопротивления.

В санчасти было шесть врачей, четыре фельдшера и несколько санитаров. Работая вместе с ними и обхаживая больных, Георгий Валерьевич мог общаться с ними. Он старался выделять среди них малолетних и людей с высшим образованием - инженеров, артистов - и определять их в группы сельскохозяйственных рабочих, где условия жизни были лучше по сравнению с другими работами, а потому вероятность выжить была больше.

7 ноября 1943 г. Георгий Валерьевич собрал выбранных им людей (83 человека) в одном месте. На этом собрании люди выступали с антифашистскими лозунгами, говорили о будущей победе. А уже 25 ноября в лагерь прибыло несколько автомобилей с эсэсовцами и стоматологом Яковом Никаноровичем Зениным, участником тайного митинга. Проходя вдоль строя больных, он указал офицеру всех участников тайной встречи. Они были выведены под охраной и заключены в барак.

Барак имел два окна на противоположных стенах и одну дверь, около которых постоянно стояли часовые. Площадь рядом с барак, освещаемая в темное время суток карбидовыми прежекторами, представляла собой четырехугольник, обнесенный колючей проволокой. Одну из сторон этого четырехугольника составляла уборная, двери которой выходили на общую лагерную площадь и территорию барака. Это-то и сыграло огромную роль.

Из барака был запрещен выход, кроме коротких прогулок вдоль ограждения и выноса параша. Во время выноса параша в уборной оставались записки другим военнопленным, которые могли войти туда с другой стороны. Это было опасно, так как в любой момент могли войти охранники: нарушение правил грозило жестокими наказаниями.

Содержали их в бараке в течение 50-ти суток. 15 января 1944 г. они были отправлены в концентрационный лагерь Штупхоф. В анкете, заполняемой на каждого заключенного, было написано: "Политический".

В Штупхофе отношение к заключенным было значительно хуже, чем в других лагерях. Заключенные содержались также в бараках, они были разделены на группы по 8-10 человек, возглавляемых капо - надзирателями из заключенных немцев, которые усердствовали, заставляя своих подчиненных постоянно работать, а в случае плохой работы безжалостно их били.

Но среди заключенных, по-прежнему, возникало желание бороться против немцев. Встречались случаи нападения на охрану и офицеров. Так, Иван Матвеев, работая в мастерской, ударил молотком по голове офицера, и тот был отправлен в санчасть. Пролежав там несколько дней, офицер очнулся, а Иван Матвеев был опознан и после жестоких избиений повешен в мойке.

Георгий Валерьевич старался как можно больше участвовать в лагерном сопротивлении. Комплектовал группы на сельхозработы, поддерживал дух пленных, распространял информацию о войне.

Григорий Валерьевич пробыл в лагере до 15 января 1944 года. Затем заключенных эвакуировали на барже в Данию.

Баржа курсировала вдоль берега в поисках места для высадки и передачи заключенных в другой лагерь, но весь север был занят войсками союзников. После долгого плавания баржа вошла в гавань Клинтховен на острове Мюн (Дания). Когда баржа заходила в гавань, от берега отплыл катер. Подойдя к барже, находившаяся на нем группа из трех-четырёх человек обратилась к немцам с предложением о сдаче и передаче пленных им. Они представились как члены датского повстанческого освободительного движения. Пленные были им переданы, высажены на берег и помещены в доме в нескольких километрах от моря, где они пробыли в течение четырех месяцев. Им привозили все необходимое.

Перед отправкой с острова освобожденным было предложено выбрать место жительства в любой стране. Девяносто девять процентов выразило желание вернуться на родину.

Освобожденные были отправлены на границу в расположение Советских войск. На этом закончился плен Георгия Валерьевича Семеняки.

А.С.

Книжкино ревью

Галина Туз. Провинциальный фашизм. Москва: Независимое издательство ПИК, 1997.

Книга ставропольской журналистки Галины Туз посвящена истории судебного процесса, который начался после опубликования ею статьи в "Ставропольской правде" накануне 50-летней годовщины победы над фашизмом. Краевая организация баркашовцев Русского Национального Единства усмотрела в ней сведения, порочащие ее честь и достоинство, проведение аналогий между партией РНЕ и германским фашизмом и вдобавок - разжигание неприязни к членам означенной организации именно по национальному признаку. Рассмотрение дела осенью 1995 г. в суде Промышленного района г.Ставрополя зашло в тупик (оно было отослано на терминологическую экспертизу в Академию Наук для разъяснения понятий "нацизма", "экстремизма" и пр.). Поскольку в статье прямо о баркашовцах речь не шла, его сторонники требовали от журналистки и газеты "все-го-навсего" признания, что все в ней сказанное не имеет отношения к краевой организации РНЕ. Книга интересна не столько описанием судебных перепитий, сколько искренним и страстным побуждением автора дать себе и читателю ответ на вопрос, вынесенный в заглавие той самой статьи - "Ненависть к фашизму у россиян в крови?"

Старый (и увь, как учат уроки судебных разбирательств, почему-то весьма внятный для российской Фемиды) ответ доморощенных национал-радикалов состоит в перекладывании вопроса с больной головы на здоровую. Фашистами, по их мнению, являются большевики, сионисты, демократы (в кавычках и без оных), Гайдар с Чубайсом, наконец, сам Гитлер - но только не они сами. Они даже могут создать в своих структурах антифашистские комитеты - подобно украинским УНСО или прибегать к помощи собственных экспертов, вроде Эдуарда Володина (доктора философских наук!) на описываемом Галиной Туз процессе. Самое главное достоинство книги даже не в бесспорном (как видим, не для всех) тезисе, что "нельзя любить свое из ненависти к чужому", но в попытке хотя бы частью затронуть проблему генезиса нашего фашизма, становящегося уже почти "обыкновенным" (по фильму М.Ромма), обыденным. Это уже не только кабинетные мудрствования конспирологов или воензированные игры лиц призывного возраста, но повседневные занятия "вполне приличных и уважаемых" граждан, низовых (пока!) сотрудников армии и милиции и т.д.

Ведь в истории нечто похожее когда-то было: там все тоже начиналось с недовольства недавних бойцов - ефрейторов и лейтенантов - уничтоженным величием державы и засильем инородцев именно в окраинных районах Австрии или Баварии. Дело тут не в "Веймарской России", а в том, что наши нацисты эксплуатируют реальные проблемы, порожденные сегодняшней жизнью - автор книги пересказывает беседу с одной из чеченских беженок, обустройство которых взяла на себя именно организация РНЕ! Вопрос о целостности России или

межнациональных проблемах звучит в Ставрополе несколько иначе, чем в Екатеринбурге и Москве, и здесь федеральная власть и демократические партии уступают, даже идеологически, поле общественного мнения "патриотам" от зюгановцев до баркашовцев и национал-большевиков.

Автор права, когда возражает против "бережного отношения" к этим сложным проблемам, которое сводится к нехитрой морали "не нужно дразнить гусей" или даже "не усиливать экстремистские настроения в соответствующих кругах". Ведь можно говорить о том, что на наших глазах складывается особая провинциально-окраинная "патриотическая" субкультура (см. дальневосточного Наздратенко или белорусский пример), где сторонники "Яблока" или "Демвыбора", как Галина Туз, вынуждены чувствовать себя белыми воронами, или неким столично-космополитическим "чуждым элементом" перед лицом крепкой и самодостаточной психологии "почвенничества". Здесь расхождение от сторонника "умеренной" КПРФ до откровенного нациста того или иного толка оказывается очень близким. О том, какие плоды может приносить такая почва, напоминает нам публицистическая и острая книга Галины Туз.

А.Верховский, В.Прибыловский. Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции. М.: Институт экспериментальной политологии, 1996.

Данное исследование продолжает выпущенную в 1995 г. в соавторстве с Анатолием Паппом работу "Политический экстремизм в России", уже отрецензированную в третьем номере "Тумбалалайки". Данный сборник не содержит более биографических справок, но дополняет и расширяет сведения об организациях лишь только правого спектра - на сей раз исключенными оказались леворадикальные группировки, близкие к неосталинистскому реставраторству. (Сомнительно, правда, что в число необходимых исследователям сведений об описываемых организациях входят их контактные телефоны.)

Представляющая документы и тексты подборка может вызвать у читателя, мало интересующегося политологическим анализом, самый широкий спектр эмоций: от радостного удивления (оказывается, НРПР Лысенко "выступает против всех форм расизма, фашизма и религиозного фундаментализма") до - гораздо чаще - тоски от однообразно-кликуческих лозунгов, а также инстинктивного омерзения от каких-нибудь рекомендаций по физиогномическому выявлению евреев (газета НРПР Ю.Беляева).

ва). Особенно интересен сравнительный обзор правых организаций, представленный в виде капли - от "приличных" и относительно умеренных массовых пропарламентских партий (ЛДПР, "Держава", КРО с Лебедем) в ее широкой части до радикальных группировок в узком конце капли. Особенное внимание авторы уделяют формированию отечественной "новой правой", примером которой является Национал-большевистская партия, вербующая своим политическим авангардизмом приверженцев в мире художественной богемы или нонконформистских интеллектуалов (скинхэды тоже годятся). В целом, данный сборник окажется весьма полезен для любого аналитика современной российской политической сцены или же того, кто - не всегда по доброй воле - заинтересуется правым ее спектром.

Когда эти рецензии были уже готовы, "Общая газета" в первых сентябрьских номерах опубликовала сообщения, привлекая наше особое внимание. Оказывается, в Ставрополье соперником Эдуарда Лимонова в борьбе за депутатское кресло оказался сотрудник Министерства по делам национальностей и бывший депутат Госдумы от ЛДПР Михаил Бурлаков, ныне член РНЕ, которого поддержала краевая организация партии, судившаяся с Га-

линой Туз. Учитывая место работы политсоветника Баркашова (он возглавляет отдел реабилитации репрессированных народов!), можно только спросить вслед за обозревателем ОГ, зачем Миннацу понадобилось принимать людей, "убежденных, что главное дело железнодорожника - пускать поезда под откос".

"Общая газета" в 35 номере (4-10.09) сообщает, что на авторов отрецензированных нами сборников о политическом экстремизме по жалобе депутата Госдумы от ЛДПР Евгения Логинова Краснопресненская прокуратура Москвы возбудила уголовное дело по статье 282 - за "возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды". Отныне не только публицистика, но и научная экспертиза наших "ультра" становится делом потенциально подсудным. Вместо недавних процессов против отечественных нацистов, к которым российская юстиция была весьма снисходительна, нас ожидают теперь разбирательства против тех, кто попытался обратить на них внимание общественности. После спада общественного напряжения 1992-1994 гг. фашисты начинают потихоньку завоевывать провинцию и госаппарат, а заодно переходят в наступление, очевидно, рассчитывая на попустительство (или уже покровительство?) правоохранительных органов.

Я.М.Б.

"Тум-балалайка" - год!

С появления первого номера "Тум-балалайки" прошел один год. То, что за это время удалось выпустить все запланированные шесть номеров, можно считать большой удачей антифашистского движения в России. Кажется, пока это единственное антифашистское издание, вышедшее столько раз за такой короткий срок. Подобный успех был бы невозможен без помощи самых разных людей. Редакция газеты выражает сердечную антифашистскую благодарность всем тем, кто поддержал и поддерживает нас в Санкт-Петербурге, Москве, Воронеже, Екатеринбурге, Йошкар-Оле, Саратове и во всех тех малых и больших городах, где нас читают.

В первую очередь мы хотим поблагодарить Санкт-Петербургское общество "Мемориал": лишь благодаря его помощи техникой и советом смогли появиться наши первые номера. Номер 1 своим возникновением также обязан обществу "Гражданский контроль". Необходимо сказать и о громадной, прежде всего моральной, поддержке, оказанной нам из-за границы. Доброжелателям из Бостона - спасибо! Спасибо и Берлинским друзьям, так многому нас научившим, и коллегам из других городов Германии, Франции, Голландии, Дании, писавшим для газеты и делившимся материалами и опытом. Не менее важными считаем мы и публикации, подготовленные нашими коллегами-соотечественниками - председателем Антифашистского Молодежного Действия и председателя Московского отделения Международной Амнистии.

Важную роль в деле распространения "Тум-балалайки" по-прежнему играет АМД и особенно координационное бюро в Москве. Существенным вкладом в наше дело стало решение о финансировании двух номеров из фонда Г.Джексона. Благодарим всех, поддержавших наш проект: советами, рекомендациями, помощью в оформлении.

Особенно следует поблагодарить бескорыстных коллег в г.Воронеже, героически взявшихся тиражировать "Тум-балалайку" в самый трудный для газеты период. Без вас мы бы пропали!

А самое главное - спасибо всем, кто читал, кто думал, кто реагировал!

Ждем ваших писем!

Адрес редакции:
189620
г.С.-Петербург,
Пушкин-1
а/я 8

Газета издана
при поддержке фонда
"За гражданское общество"
и фонда имени Генри Джексона

При перепечатке ссылка на газету обязательна

Тираж 600 экз.